Verlag «STELLA»
Deutschland

УДК 82-1
С24

С24 **Свиток 34**: По материалам международных поэтических телемостов: литературный альманах. — Выпуск 2. — Verlag «STELLA», 2019. — 158 с.

В международных телемостах уже приняли участие более 100 авторов из разных городов и стран. Альманах «Свиток 34» — это своеобразная попытка объединить страны мира со Святой Землёй — родиной трёх великих религий. Во второй выпуск альманаха вошли произведения четырёх поэтов, ушедших в мир иной, но вернувшихся к нам своим нетленным словом, а также 30 авторов — постоянных участников телемостов.

УДК 82-1

Организаторы международных телемостов, составители и редакторы альманаха — известные поэты *Валентина Бендерская* и *Леонид Колганов* (Израиль)

Координатор проекта — *Оксана Шимановская* (Украина)
Корректор — *Сара Гарфиоль* (Израиль)
Корректор — *Олена Корж* (Украина)
Художник — *Олег Боровков* (Израиль)
Верстка — *Валерий Лонский* (Украина)

© Литературный альманах «Свиток 34», выпуск 2, 2019.
Все права защищены.

Не парнасские небожители
ждут тебя, коренастый горнист, —
гениальные нарушители
полицейских, мирских границ.

А. Вознесенский

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Свиток 34

По материалам международных
поэтических телемостов

Выпуск 2

Германия
2019

Почему «Свиток» и почему 34?

У одного из авторов нашего альманаха прекрасного московского поэта Сергея Касьянова есть стихотворение, которое кончается таинственными строчками: «И кто-то свиток развернул. НО Я НЕ ВИДЕЛ, КТО». Свитки — одна из первых форм книг, донесших до нас знания из глубины веков.

Так в Кумранских пещерах на берегах Мёртвого моря были найдены свитки, датированные периодом от 250 года до н. э. до 68 года н. э., содержащие в себе как библейские, так и раннехристианские тексты. Тексты этих манускриптов как бы объединяющие два Великих Завета. Наш альманах «Свиток 34» — это своеобразная попытка объединить страны мира со Святой Землёй — родиной трёх великих религий. По свидетельству разных источников в пещерах было найдено 7, 10, 33 и т.д…свитков. Поиски продолжаются до сих пор. Наш «Свиток» — «очередная находка» нашего времени под номером 34. Как утверждает нумерология, в цифре 34 (3+4) заключается сила семёрки, которая символизирует удачу, целеустремлённость и особое отношение высших сил. Число 34 — также символ руководителей, всех известных правителей, революционеров и новаторов, которые редко придерживались установленных принципов, легко распознают ветер перемен и способны возглавить новаторские движения. Так и наш альманах «СВИТОК 34» № 2, созданный уже по следам ДЕВЯТИ Международных поэтических телемостов «Поэзия без границ», первый из которых был проложен в сентябре 2016 года, познакомил, объединил друг с другом креативных личностей — поэтов из разных стран: Израиля, Украины, Греции, России, Белоруссии, Испании, Америки. Инициатором такой жизненно-важной и необходимой народно-дипломатической идеи выступили Валентина Бендерская и Леонид Колганов — основатели и руководители Всеизраильского поэтического клуба «ПоВтор».

На фото: В. Бендерская и Л. Колганов

В Международных поэтических телемостах «Поэзия без границ» приняли участие более 140 авторов из разных стран и городов:

ИЗРАИЛЬ	УКРАИНА
Тель-Авив	Житомир
Беэр-Шева	Бердичев
Хайфа	
Ашкелон	РОССИЯ
Ашдод	Москва
Тверия	Калининград
Назарет	Саратов
Нетания	
Нагария	БЕЛАРУСЬ
Ришон-ле-Цион	Витебск
Хулон	
Бат-Ям	ГРЕЦИЯ
Кирьят-Гат	Александруполис
Реховот	
Беэр-Яаков	ИСПАНИЯ
Бейт-Шемеш	Мадрид
Ор-Акива	
Мицпе-Рамон	США
Мигдаль-ха-Эмек	Атланта

Во второй номер альманаха вошли произведения 30 авторов — членов клуба «ПоВтор», участников телемостов и четырёх авторов, представляющих новый раздел «Возвращение МАГОВ» — поэтов, ушедших в мир иной, но вернувшихся к нам своим нетленным словом. Все тексты даны в авторской редакции.

Пусть наш «Свиток 34» сохранит историю нашего времени.

ДА БУДЕТ ТАК!

Составители и редакторы альманаха
Валентина Бендерская
Леонид Колганов
Сара Гарфиоль
Олена Корж

Возвращение магов

Болотин
ВЛАДИМИР
1949—2013

Окончил Симферопольский государственный университет имени Фрунзе (ныне Крымский Таврический национальный университет имени Вернадского), факультет филологии. Член союза журналистов Украины и Крыма. Член союза писателей Крыма. Член союза Украинских, Белорусских и Российских писателей. Автор нескольких поэтических сборников. В рамках программы «Первая книга на родине» подготовлен поэтический сборник с рекомендацией от союза русскоязычных писателей Израиля. Награжден почетной грамотой Президиума Верховной Рады Автономной Республики Крым. Был корреспондентом Симферопольской газеты «Ленинец», «За — медкадры» в Крымском медицинском институте. Был заведующим издательским отделом МП «Альтаир», лектором кино и видеопрограмм в ДК Профсоюзов Крыма, главным редактором газеты «ТВ» Творческого объединения «Импекс», журналистом ООО «Медиахолдинг»; был собственным корреспондентом, заместителем главного редактора, старшим редактором информационно-аналитических программ, а также старшим редактором авторских программ в Государственной телекомпании «Крым»; автором и ведущим политического ток-шоу «Выбор», ведущим дискуссии «Званый гость» в прямом эфире с депутатами Парламента Украины, ведущим ежедневных репортажей с места событий «12 минут новостей», автором и ведущим литературно-познавательной программы «Собрание сочинений» с представителями творческой элиты Крыма и Украины, научно-познавательной программы «Таврический звездочёт», автором молодежной программы «Мир глазами детей», ведущим аналитической программы «НАТО», «Евроинтеграция» и других.

Договор

Будем жить. Будем думать о ветре и метре,
Провожать и встречать, на друг друга ворчать,
За столом величать и не думать о смерти,
А она постоянно стоит у плеча.

Здравствуй, тётка! Ты в саване снова!
Он тебе не идёт, хоть умри.
Ты ведь мне обещала под честное слово,
Что я классно погибну на фоне зари.

Так смотри же, держи! Очень хочется быстро…
Не хрипеть, задыхаясь в горячем бреду,
А взлететь и погаснуть затейливой искрой,
Всех «имея в виду» на виду.

Значит, так тому быть и не может иначе,
От амбиций исчезло свечение лиц.
Даже Библия, словно унылый задачник,
Где с ответом в конце не хватает страниц…

***

Победила генетика русская,
А еврейская мама моя
Мне напомнила вазу этрусскую,
У которой отбиты края.

Лишь во сне проявляется редко
Иудейская плавная стать,
И какие-то хитрые предки
Первородством желают достать.

Наяву это всё исчезает,
Как над морем туманная муть.
Я по-прежнему Тору не знаю,
Не держу под подушкой Талмуд.

Православные ангелы, черти
Также поровну спят на весах.
Интересно узнать — после смерти
На каких окажусь небесах?

***

Мы жизнь прожили разную:
Ты — чистую, я — грязную,
Но что нам предначертано —
Попробуй, разбери.
Там за чертой смертельною
Мы, существа отдельные,
Взлетим над миром брошенным,
Как чудо-пузыри.
Воздастся по деяниям.
Срывая одеяния,
Предстанем пред Всевидящим
Насквозь обнажены.

Я — словно туча мрачная,
А ты — совсем прозрачная,
Уже освобождённая
От признаков жены.
И всё-таки, и всё-таки
Мы вместе были сотканы,
И ниточка последняя
Пока считает дни.
Она — судьбы заложница,
Так не бери же ножницы,
Хотя бы на мгновение
Ещё повремени.

Грань

В квадрат немыслимого цвета —
Спрессован мир и, как во сне,
Кружатся сразу две планеты.
Одна — в зеркальной глубине.

О, эту грань, излом обманный
Преодолеть не суждено.
Давно разграблены
курганы
Воспоминаний наших, но

Мы вновь и вновь, смеясь и плача,
Спешим паломничать назад.
Что нам ответит этот мальчик?
Что может девочка сказать?

Каких мы жаждем откровений?
(Сыскать царевну среди жаб?)
Соприкасаются мгновенья,
Но вместе их не удержать.

Не удержать тот вечер дальний
Касанья губ и рук в бреду,
Тот старый дом и сад
миндальный,
И горький ветер в том саду

Не удержать… Как время кружит.
И мы уйдём в тот Белый День,
Где наши медленные души
Скользнут кругами по воде.

Из цикла «ПОЧТИ ПРОРОЧЕСТВА»

Заклятье

Как наши дни похожи на Заклятье,
Где в корчах порчи мечется страна,
И вновь над перевёрнутым распятьем
Смеётся до икоты Сатана.

Всё те же искры нам пророчит пламя,
Очередной куражится кумир,
Временщиками созданный парламент
Качает деньги в параллельный мир.

Туда — за инфернальные заборы,
Где дачи выползают из норы,
Сосновый бор прокалывает поры,
И кожа неба дышит до поры.

До той поры, когда шагрень сожмётся,
И нас в ежей переиначит бес,
Чтоб удержать иголками эмоций
Лавину яблок, посланных с небес.

На шестом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Беларусью (Витебск), Грецией. Поэты Житомира

Раздвоение

Мне говорят, что мир открыт,
Что проржавел железный
занавес,
Что, отрываясь от корыт,
Мы оживаем, вроде, заново.

Всё это так, но горький дым
Отечества сродни эссенции,
И разъедает слово КРЫМ
Координаты карты сердца…

Казалось бы — ни то ни сё,
Не та страна, не те порядки,
И ловкий лайнер унесёт
В другое время без оглядки.

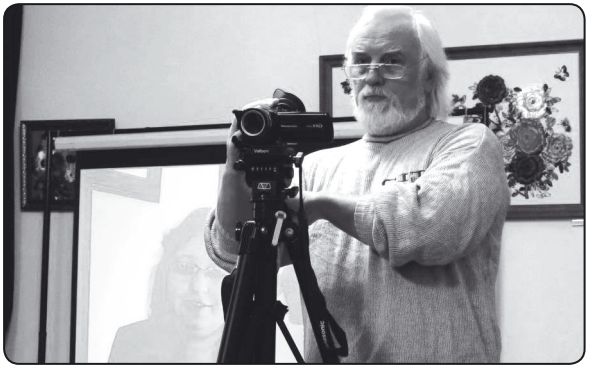
Увы, подобный пересчёт
В уме слагается не просто.
Во мне двойная кровь течёт.
Я сам похож на полуостров,

Который между двух держав
Зажат враждебными любовями.
Войны уже не избежать,
Как удалось когда-то Бовину —

Послу в Израиле. Сейчас
Поспешность в моде. Как ни странно,
Я предвкушаю трубный глас
Здесь, на Земле Обетованной.

По-прежнему меж двух огней,
С которыми не вижу сладу,
На Бледном, может быть, Коне
Вернусь к обугленному Граду.

Симферополь, 2009 год



На девятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Америкой (Атланта)

Влодов Юрий

1932—2009

Русский поэт, поэт московского андеграунда. Юрий Влодов почти не публиковался при жизни (его имя было в СССР под запретом), часто писал «под заказ» за так называемых «литературных клиентов», позволял публиковать свои стихи под именами других поэтов. Широкому российскому читателю Влодов известен как автор таких остро-политических эпиграмм как «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это!». Он родился в Новосибирске, в семье театральных работников. Отец Александр Захарович Влодов — по профессии театральный режиссёр. Так как он являлся племянником известного одесского налётчика Мишки Япончика, отец сменил фамилию. Мать, Надежда Борисовна Тимошенко (псевдоним Надеждина), была актрисой. Семья разъезжала по стране вместе с гастролирующими театрами, постоянного жилья у них не было. Когда началась война, отец ушёл на фронт. Детство и юность поэта прошли на Украине, затем он пережил войну, оккупацию и эвакуацию в Сибирь. Военное и послевоенное детство, желание выжить, привели мальчика в криминальную компанию. Стихи Юрий начал писать с 6 лет. В конце 50-х приехал в писательский посёлок Переделкино, с первыми взрослыми стихами ходил к классикам советской литературы. Встречался с Б. Пастернаком, И. Сельвинским, К. Чуковским и многими другими. Стихи Влодова с предисловием Сельвинского вышли в журнале «Смена», за эту публикацию Юрий Влодов стал лауреатом журнала. В дальнейшем, в советские годы, Влодова практически не публикуют, в основном он выступает со стихами перед различными аудиториями, как случайными, так и коллегами по цеху. Читал стихи антисоветского содержания, после чего привлек внимание КГБ СССР. После перестройки стихи Влодова публикуют в журналах «Юность», «Клуб», «Сельская молодёжь», «Дети Ра», «День и ночь», «Арион», в газетах «Советская Россия», «Литературная газета», «Труд», «Гудок», «Московский комсомолец», «Трибуна», а также в литературных альманахах и сборниках «Истоки», «Приют неизвестных поэтов», «Эолова арфа» и других. Первая книга Юрия Александровича Влодова «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность», когда поэту исполнилось 64 года. О нём снимают два кинофильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» и «А гений — сущий дьявол!» В 2007 году поэт вступил в Московский союз литераторов, в конце 2008 — Союз писателей Москвы. В этом же году вышла в свет вторая книга поэта «Люди и боги».

Из цикла «ВОЙНА — ЖЕСТОЧАЙШАЯ ПРОБА...»

***

Маэстро играл на рояле.
Не ждал от судьбы ничего.
Глухую угрозу ваяли
Блокадные пальцы его.

Серьёзно, достойно, как надо,
Ушёл от житейских утех.
Три года ещё канонада
Играла на клавишах тех.

***

Ботву рукой крушила,
Таскала в тёмный лаз.
И был острее шила
Её неженский глаз.

Таскала, голосила:
«Ой, все помрем зимой!
Ой, где ты, муж мой, сила,
Хвалёный Митрич мой?!»

В селе шуршали слухи
(Язык-то без костей!)
Мол видели старухи
Очкастых тех гостей.

И парашюты, вроде,
Нашёл дурак Фома...

И ухали в природе
Подземные грома!..

Из леса вырывался
Фанерный «ястребок»,
Взвивался и срывался
Как сизый голубок!

Туман белее мела
Сводил собак с ума!
Но в рупоре гремела
История сама!

И полон властной спеси,
Как сказочный титан,
И грады брал, и веси
Бессмертный Левитан!

***

Война — жесточайшая проба.
Но женщина любит — до гроба!..

Сопрела солдатская роба...
А женщина любит — до гроба!..

Он вмёрз в сердцевину сугроба...
А женщина любит — до гроба!..

Весна зачернела сурово...
А женщина любит — другого!

Из цикла «ПОБЕДА»

Жуков

В паучьих руинах Берлина
Гармоника душеньку пьёт.
И снайпер Василий Калина
Чечётку заливисто бьёт.

Суворовский марш барабанный
Крошúт мировую зарю!
И ветер портяночный, банный
Щекочет Европе ноздрю!

Средь редких винтовочных стуков,
С российской натугой в лице
Нафабренный, выбритый Жуков
На белом идёт жеребце!

При маршальском чине убогом
Он прост, как любой генерал!
Он чист перед Господом Богом!
Он сам, как Всевышний, карал…

В нём — дух гулевого боярства,
Истории тучная стать!
Он волен создать государства
И каменным идолом стать!

А куцый, вертлявый союзник,
Коль с маху, по-русски прижать,
Подтянет казённый подгузник,
Чтоб легче к Ла-Маншу бежать!

И тот в окружении башен,
В своём допотопном Кремле
Не так уж всесилен и страшен
На этой победной золе!..

В паучьих руинах Берлина,
Коль вышел такой тарарам,
Хватила душа славянина
Солдатских бездонных сто грамм!

Хмелеет в припадке величья,
От славы — глухой и немой,
И шея лиловая, бычья
Надрезана белой каймой!

В гранитные латы — его бы,
Чтоб в камне остыл, пообвык
Хмельной похититель Европы —
Славянский распаренный бык!

***

Две матери грозно скрестили глаза
Над безвестной солдатской могилой.
«Он — мой!!» — закричала одна
И тряхнула ограду с крестьянской немыслимой силой.

«Он — мой…» — словно эхо шепнула другая,
Прозрачные руки ломая…
Над ними шумела дубовая крона —
Душа прикарпатского мая…

***

Улетели луга,
Улетели сады и леса…
И в колодезной мгле
Холода голубые стояли.
А бечёвочный змей
Навсегда уходил в небеса,
В облака, в облака,
Что снегами уже накипали.
(Ах, мамочка, милая мама!)
Пел слепой замполит
На ступенях сельмага о том,
Как под польским холмом
Закопал он глаза ледяные.

Василиса ему
Выносила казённый батон,
Опускала потом
На ладони его земляные.
(Ах, мамочка, милая мама!)
Из воды выходил
Полуночный голодный налим,
По низовьям Оки
Дымовая плутала истома,
А в глазницах у вдов,
Словно луны из голых долин,
Возникали глаза
Не дошедших до отчего дома.

Из цикла «ПОРТРЕТЫ (ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ)»

***

Ах, по головушке — тугой! —
Неслыханным жезлóм!..
И целый миг трясёт ногой
И пучится козлом…
Ах, по головушке — жезлом!..
С оттяжкой!.. Да сплеча!..

И оплывает под углом
Истории свеча…
Иван сморкается в полу,
Дрожит, как Вечный жид…
А русский Гамлет на полу
Расплющенный лежит.

***

«Майн гот! И откуда морщины?
Хоть всех массажистов зови!
И нету на свете мужчины,
Достойного женской любви!
Чтоб ноженьки выгнул босые!..
Чтоб выдохнул: «Девка, молчи!..»

И сердце болит о России,
Но в это не верят врачи…»
Немецкая ноет шарманка,
И маршал с личиной козла
Всё блеет: «Царица-ерманка…
Начхать ей на наши дела!..»

***

Поредел императорский чубчик.
Пыль смоленская скулы свела.
Ах, кого отпевают, голубчик,
Квазимодовы колокола?!
Проносился нездешней орбитой!
Проносил неземной ореол!
И завис над Москвой, как подбитый,
Обронивший добычу орел.

***

Цари обычно — самодуры.
Царицы — просто злые дуры.
Царевны вялы, истеричны…
Зато царевичи — лиричны!
Подросток — что? — живые мощи!
Загривка нет. Ходули тощи.
Торчит косица, как лоза,
Но в клетках мечутся глаза!..
Но мировых познаний голод
Его, как зверь, скребёт уже!
И назревает Петер-город
В зело лирической душе!
Прочистит глотку прусским пивом,
Мозги — британским табаком,
И, ослеплен голландским дивом,
По верфи дёрнет босиком.
Он — фантазёр! Он Русь-голубу
Рванёт за потные меха!
И вывернет её, как шубу, —
Так что посыплется труха!..

ПРА́СОЛОВ АЛЕКСЕЙ

1930—1972

Русский советский поэт, журналист. Родился в селе Ивановка-2 (ныне Кантемировский район, Воронежская область). С семи до семнадцати лет прожил в недалёкой от Россоши слободе Морозовка. В семнадцать лет поступил учиться в Россошанское педагогическое училище. После окончания полтора года учительствовал в сельских школах. Работал корректором в воронежской газете «Молодой коммунар». Дальше — районные будни, газетная подёнщина, переезды из редакции в редакцию, поездки по райцентрам Чернозёмного края. В 1961—1964 годах отбывал наказание в местах лишения свободы, работал на рудниках и стройках. Первое напечатанное стихотворение «Великий свет» — в россошанской районной газете «Заря коммунизма» 7 ноября 1949 года. В 1964 году в августовском номере «Нового мира» была опубликована большая подборка прасоловских стихотворений. Через два года в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» выходит сборник поэта «Лирика», а в Воронеже — сборник «День и ночь». Затем последовали книги «Земля и зенит» (1968) и «Во имя твое» (1971). При жизни поэта вышло 4 сборника стихов. Покончил с собой в Воронеже 2 февраля 1972 года.

***

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая, тёмная сила
И закат, отражённый водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.
И оттуда, где меркли и краски, и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки — как простёртые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.
И ударило ветром, тяжёлою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человечье.

***

Поднялась из тягостного дыма,
Выкруглилась в небе —
И глядит.
Как пространство
Стало ощутимо!
Как сквозное что-то холодит!

И уже ни стены,
Ни затворы,
Ни тепло зазывного огня
Не спасут…

И я ищу опоры
В бездне,
Окружающей меня.

Одарив
Пронзительным простором,
Ночь встает,
Глазаста и нага.
И не спит живое —
То, в котором
Звери чуют брата и врага.

***

Итак, с рождения вошло —
Мир в ощущении расколот:
От тела матери — тепло,
От рук отца — бездомный холод.
Кричу, не помнящий себя,
Меж двух начал, сурово слитых.

Что ж, разворачивай, судьба,
Новорождённой жизни свиток!
И прежде всех земных забот
Ты выставь письмена косые
Своей рукой корявой — год
И имя родины — Россия.

***

Нет, лучше б ни теперь, ни впредь
В безрадостную пору
Так близко, близко не смотреть
В твой зрак, ночная прорубь.
Холодный, черный, неживой…
Я знал глаза такие:
Они глядят, но ни одной
Звезды в них ночь не кинет.

Но вот губами я приник
Из проруби напиться —
И чую, чую, как родник
Ко мне со дна стремится.
И задышало в глубине,
И влажно губ коснулось,
И ты, уснувшая во мне,
От холода проснулась.

***

Тревога военного лета.
Опять подступает к глазам
Шинельная серость рассвета,
В осколочной оспе вокзал.
Спешат санитары с разгрузкой.
По белому красным — кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты.
До жути короткое тело
С тупыми обрубками рук
Глядит из бинтов онемело
На детский глазастый испуг.
Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Мальчишеской жизнью твоей.

Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значенье креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!
Душа, ты так трудно боролась…
И снова рвалась на вокзал,
Где поезда воинский голос
В далёкое зарево звал.
Не пряча от гневных сполóхов
Сведённого болью лица,
Во всём открывалась эпоха
Нам — детям её — до конца.
…Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни пыл барабанящей лжи.

***

Я умру на рассвете,
В предназначенный час.
Что ж, одним на планете
Станет меньше средь вас.
Не рыдал на могилах,
Не носил к ним цветов,
Только всё же любил их
И прийти к ним готов.
Я приду на рассвете
Не к могилам — к цветам,
Всё, чем жил я на свете,
Тихо им передам.
К лепесткам красногубым,
К листьям, ждущим луча,

К самым нежным и грубым
Наклонюсь я, шепча:
«Был всю жизнь в окруженье,
Только не был в плену.
Будьте вы совершенней
Жизни той, что кляну.
Может, люди немного
Станут к людям добрей.
Дайте мне на дорогу
Каплю влаги своей.
Окруженье всё туже,
Но, душа, не страшись:
Смерть живая — не ужас,
Ужас — мёртвая жизнь».

***

Коснись ладонью грани горной —
Здесь камень гордо воплотил
Земли глубинный, непокорный
Избыток вытесненных сил.
И не ищи ты бесполезно
У гор спокойные черты:
В трагическом изломе — бездна,
Восторг неистовый — хребты.
Здесь нет случайностей нелепых:
С тобою выйдя на откос,
Увижу грандиозный слепок
Того, что в нас не улеглось.

Ансамбль «Перлынки» г. Житомира на девятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Америкой (Атланта)

Примеров Борис

1938–1995

Советский и российский поэт. Родился в Ростовской области, в селе Матвеев Курган. Отец — донской казак, учился в кадетском корпусе, после Октябрьской революции стал офицером Красной армии, позднее был исключён из партии и уволен из армии, участник Великой Отечественной войны. После войны семья переехала в станицу Мечётинскую, где отец устроился работать в колхозе. Первые публикации Примерова вышли в Ростове-на-Дону. Учился на вечернем отделении филологического факультета РГУ и работал в метизном цехе завода Ростсельмаш, публиковал свои стихи в заводской многотиражке и областных изданиях. В 1968 году стал членом Союза писателей. В 1971 году окончил Литературный институт. Автор лирических сборников «Синевой разбуженное слово», «Некошеный дождь», «Румянец года», «Весенний гость», «Наедине с родимым небом», «Талая заря». 5 мая 1995 года повесился на своей даче в Переделкино.

***

Я в рубашке родился,
Без рубашки умру
На стареющем, душном,
Безымянном ветру.

И пролают собаки,
Отпоют петухи,
И напишут деревья
Ночные стихи.

Как напишут, не знаю,
Но напишут про грусть,
Что вошла навсегда
В моё сердце, как Русь.

Без неё нет поэта,
Песни собственной нет.
Вот и всё.
Умираю…
Разбудите рассвет.

***

Демон,
В сторону вечера шедший,
Напоённый
Последней зарёй,
Положительно-сумасшедший,
Отрицательно-неземной.

Что ты знал,
Изойдя чародейством,
Там, где только
Бездомная дрожь?
Ничего, кроме взрослого детства,
На которое стал похож.

Ничего, кроме жёлтого хруста
Чуть примятой, худой лебеды,
Ничего,
Кроме нового чувства,
Кроме старого света
Звезды.

Как звезда,
Отдаленьем уменьшен,
Жил и видел росу на траве,
И поэтому думал про женщин
Ты всегда
Без царя в голове.

Шли они иногда
Между строчек,
Иногда серединой души,
Зябкой стёжкой
Клубящейся ночи,
В перепёлочном запахе ржи.

Шли они,
Не взглянув в ножевые,

Богом выстраданные глаза,
И склонялись над ними живые,
Нецелованные небеса.

С той поры после лунного часа,
Предрекая заутренний час,
Кто-то шепчет, как пьяный качаясь,
Ах, наверное, не про Вас:

«Ваше сердце рассудком уменьшено,
В нём ни капельки синевы,
Никогда вы не станете женщиной,
Хоть для этого созданы Вы».

И под ветер бросается слово
Отлетающих журавлей,
И кружится сухая полова
От пустых, обмолоченных дней.

***

Вздрогнут заарканенные луны,
Взмыленные, потные в снегу,
Если я переложить на струны
Бешеную нежность не смогу.

Ветры убелённые заропщут,
Хлопнут ставни о моё окно,
И в глазах моих, как в стылых рощах,
Станет сразу пусто и темно.

Молодой, отчаянно влюблённый
В эту землю и в её звезду,
Не дай Бог, из памяти зелёной
В бездну я когда-нибудь паду.

Не поэтому ли я в запале
Новом, как безумный бубенец?!
У меня весёлое начало
И совсем трагический конец.

***

«Мне холодно в твоём огне!», —
Произнесла и, слава Богу,
И отразилась в глубине
Окна и неба голубого.

Мне холодно. Со всех сторон
Я дни прошедшие звал в гости,
Но снегом выстуженный звон
Сопровождал былые тосты.

Дай Бог, всего был первый тост,
Второго я уже не помню,
Я задохнулся блеском звёзд
И тишиной оглохших комнат.

Я смолк, так не зови, не жди
Всего, что стало прахом, дымом,
Неумолимо позади,
Всё позади неудержимо.

Ты навсегда ушла к тому,
Другому, праздности в угоду,
Безбожная, вся на ветру,
В такую ясную погоду.

Да мы чужие, помни, знай,
Большая ночь идёт на убыль,
Вдоль берега реки одна,
Холодная, как наши губы.

Зачем я не сошёл с ума,
В листве хохочущей, сгорая…
Кому, скажи, нужна зима
Среди бушующего мая?!

Довольно, поистерся путь.
И мне одно осталось к лету —
Жить выдумкой какой-нибудь,
Всё заменившее поэту.

***

Я умер вовремя, до света,
И ожил вовремя — к утру.
А мимо проходило лето
В бредовом затяжном жару.

А рядом солнце проползало
На животе, в репьях, во рву,
И воспалённым жёлтым жаром
До смерти жалило траву.

О бедная земля — как сушит
Вдоль,
Поперёк
И снова вдоль!
Как бороздит виски и души
Горячая сухая боль.

Иссохшие уста — и только.
Глаза тоски — невмоготу…
И степи, серые как волки,
Крадутся к мертвому пруду,
Где на краю, в краю безвестном,
В репьях, во рву,
На самом дне,
Всего на расстоянье песни
Лежу от жизни в стороне.

***

Повыше подняться мне бы,
Туда, где, не ведая сна,
Зелёной, разбуженной степью
Меня обступает весна.
Мне нужно нашествие мая,
Бесчисленных ливней набег.
Я вспомню себя — и растаю
На солнце, как мартовский снег.
Ручьи зашумят голосисто,
И ветры сойдутся в полях,
На мягких березовых листьях
Сыграть о непрожитых днях.
Пахучие вешние силы
Проснутся, когда в синеву
Дождя расторопные вилы
Взметнут молодую траву.
И буду я в запахах мая,
Все росы до капли собрав,
Из тела душой убывая,
Цепляться за головы трав.

На седьмом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Грецией (Александруполис), Россией (Калининград)

Поэзия без границ

Айзенштат Роман

(Ришон-ле-Цион, Израиль)

Роман Айзенштат родился в 1946 году в городе Минске. В 15 лет начал самостоятельную жизнь, перепробовал немало рабочих специальностей. Окончил Белорусский государственный университет, факультет журналистики. Был членом Союза журналистов СССР, членом Пресс-автоклуба СССР. Печатался в республиканской и союзной прессе. С 1991 года в Израиле. Автор ряда текстов песен белорусских и израильских композиторов. Автор трех поэтических сборников, вышедших в Израиле и Германии. Стихи публиковались в Белоруссии, Украине, США, Германии, Израиле, России. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, Международной гильдии писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей.

Цветёт миндаль

И каждый раз, и каждый год,
Как чудо среди зим,
Миндаль цветёт, миндаль цветёт
Под небом голубым.

И эти белые цветы
Нам заменяют снег,
И кажется, что смотришь ты
На дивный оберег.

Отставим старые клише,
На всех — одна Земля,
Сегодня праздник на душе —
Цветенье миндаля.

***

Сиреневый ситец сирени
Напомнил мне платье твоё…
Нам дождь мимолётный весенний
Узоры из капель плетёт.
Ты в простеньком платье прекрасна,
(вернуть бы нам юности шик).
Влюблен ли? Пока мне не ясно,
Быть может, к цветам я привык.
Как будто вдохнул я сирени,
И в этом цветочном раю
Не жажду уже изменений,
И воли мечтам не даю.

***

Когда прощаются, твердят: «Прости!»
Не потому, что… а на всякий случай.
Уходишь вдаль, и нет назад пути,
Да, мог сказать «прощай», но так ведь лучше?

Хотя, быть может, всё-таки: «Пока!» —
Есть теплота в таком вот просторечье,
С ним машет уходящего рука —
Даёт намёк о предстоящей встрече.

Ещё так часто слышится: «Бывай!»
Почти как тост простой, знакомый: «Будем!»
Мол, остаёшься, но не унывай,
И мы тебя за это не осудим.

Но, что не говори, когда уйдёшь,
Тебя запомнят, а не это слово.
Хоть знают, ничего уж не вернёшь,
Но ждут, как прежде, будто бы живого.

***

Последний дождь. Прощаемся с зимою
Под грома опереточный салют.
Зима нежданной тучкой грозовою
Нам сообщает: «Я пока что тут!»

Но южная зима слегка притворна:
Весну в себя давно уже впустив,
Цветы цветут и птичья рать проворна —
Природы золотой паллиатив.

Быть может, в этом идеал погоды:
Без резкостей — жара или мороз,
И для людей — чтоб разные народы
Братались супротив погранполос.

***

Для актрисы поцелуй ничего не значит,
Если надо, засмеётся, надо — и заплачет.
Целовал на брудершафт милую актрису,
Та смотрела на меня, будто на кулису.
Обнимал я тонкий стан, думал, что удача:
С губ нектара пригубил, оказалась — чача.
Мы теперь уже на «ты», но в её обитель
Не допущен — не актер, а всего лишь зритель.

На втором Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Бердичев), Испанией (Мадрид)

На пятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Россией (Москва), Грецией (Александруполис)

Альтмарк Лев

(Беэр-Шева, Израиль)

Родился в 1953 году в Брянске. После окончания Брянского института транспортного машиностроения работал инженером, учителем, журналистом. В 1990 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького на семинар Анатолия Приставкина. В 1995 году переехал в Израиль, живёт в Беэр-Шеве.

Первую подборку стихов опубликовал в альманахе Брянской писательской организации, затем повесть «Стукач» в тульском альманахе «Ясная поляна» в 1992 году. Публиковался в журналах «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Новый Ренессанс», «Российский колокол», «Бульвар Ротшильда», в альманахах «Созвучие муз», «Золотое руно», «Российский колокол», «Русский стиль», «Арфа Давида», «Без границ», «День поэзии 2015», «Крестовый перевал» и т. д. Автор восьми поэтических сборников и семнадцати книг прозы (включая переводы и переиздания). Был участником литературных фестивалей в Македонии, Хорватии, Великобритании, Германии, Грузии и Израиле, книжных ярмарок в Иерусалиме и Лейпциге. Член Союза русскоязычных писателей Израиля и Международного союза писателей Иерусалима.

Свет в небе

То ли вспышкой в небе голубом,
То ли распахнёт ворота рай,
Но, смотри, размашистым мазком
Полыхает свет из края в край.

Не зарница это. И не всем
Суждено такое увидать,
Чтоб потом по утренней росе
Вслед за этим светом побежать…

Он струится мрачно над тобой,
Всё вокруг отчаянно губя,
И его увидит не любой,
Потому что твой он, для тебя.

Но зачем? Ответа не узнать…
Если будешь ты чуть-чуть смелей,
К райским воротам проложит гать
Клин печальных белых журавлей.

Хоть и там покоя не найти…
Но иного ты не выбирай,
Потому что всё твоё — в пути
В этих небесах из края в край…

Вышел из боя...

Я вышел из боя живой и здоровый,
С улыбкой на бледных бескровных устах.
Я вышел из боя,
                я вышел из боя.
А... бой — из меня?
Я не знаю...
                Лишь страх
Осел, словно пена на донышке чашки,
Которой зачерпывал воду в бою.
И было тогда мне нисколько не страшно,
Нисколько не страшно
                стоять на краю.
Не кланялся пулям и видел в прицеле
Врага, что прицеливается в меня.
И наши две пули друг в друга летели,
От смерти его и меня сохраня.
Меня не преследуют запахи крови,
Но жду настороженно нового дня...
Я вышел из боя живой и здоровый...
А бой — из меня?
                А бой — из меня?!

***

Старичок со своею собакой
Каждый вечер гулять выходит.
Что он ищет всё время во мраке,
Даже если вокруг непогода?
Пёс с любовью глядит на хозяина.
Знает, что их дорога недальняя...
А вокруг, как и прежде, тайна —
Старость, сумрак, улыбка прощальная...

Ковчег

Нам не впервой переживать потоп
И катастроф губительные волны…
Нескладный мир наш создан, видно, чтоб
Копить в себе страдания и войны.

Мы лишь своим отчаяньем сильны,
И больше нечем нам пока гордиться.
Мир — в вечном ожидании войны,
И так черны от злости наши лица…

Всё, что могли, сгрузили мы в ковчег —
Последнее пристанище на свете.
Разверзлись хляби, чтобы человек
За этот несуразный мир ответил.

Но мы же правы! Правы, как всегда!
Виновен тот, кто нас за всё карает…
Сочится в трюмы грозная вода,
И ближе к аду мы сейчас, чем к раю.

Ну, что ж ты, Ной?! Кого ты этим спас?
Ведь ты же видишь, всё на свете тонет…
Молчит старик и не глядит на нас.
Голубка белая в его ладони…

На первом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Германией, Испанией (Мадрид)

Новый мир

Среди раскатов громовых
Есть странное мгновенье,
Когда весь мир на миг затих
И ждёт, как откровенья,

Чтоб раскололась твердь небес
И запылала свечкой.
Взмахнёт руками мокрый лес,
И встрепенётся речка.

На миг откроются миры,
Которых мы не знали,
И полетят в тартарары
Все беды и печали,

Желанья, муки и мечты,
И всё, во что мы верим…
И, как от боли, вздрогнешь ты,
Вдруг осознав потерю.

Но никакой потери нет.
Лишь вдаль тебя уносит
Туда, где высвечен ответ
На главный из вопросов.

И в этот бесконечный миг
Среди громов небесных
Поймёшь, что лишь сейчас постиг,
Как новый мир чудесен.

Отныне он совсем другой,
Хоть вы ещё не братья,
Но для него ты не изгой,
Ведь ты теперь под стать ему…

Антонов Зиновий

(Москва, Россия)

Родился в Киеве. Живет в Москве. Окончил ГИТИС (театроведческий факультет). Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Последнее место работы — Театр имени Моссовета (литчасть). Печатался в различных периодических изданиях (толстых и тонких).

где больше ничего

где больше ничего
и нечего и нечем
давайте что-нибудь очеловечим
вот этот столб к примеру или стол
чтоб столб гудел
а стол кормил бы всех
кому тоскливо голодно и грустно
дверной косяк когда почти иссяк
пружинный стяж что прислоняет двери
единственные близкие к нему
где всем вокруг смешны его потери
торчит торчком нелепая капуста
забытая на грядках до сих пор
и этот злой скучающий забор
вокруг особняка где старый вор
давно почил богато и безвкусно
(а тоже был когда-то человек)
да бог бы с ним
ведь он здесь всех прощает
туман спадает близится рассвет
у дома дворник память подметает
как будто мусора вокруг другого нет
не понимая что и он не вечен
и больше ничего и нечего и нечем

дом

входящие пускай скорей войдут
а выходящие ещё быстрей выходят
я видел дом без окон — в нём живут
и ящеров без глаз разводят
я видел дом без пола и дверей
в нём были только стены и пороги
там жили бабочки и толстый скарабей
и все дороги
вели оттуда
лишь одна туда
слепая крыша
грозясь исчезнуть впредь и навсегда
всему что выше
перекрывала глазу цвет и свет
лишь чёрно-белый
был виден уже очень много лет
из тех пределов
пейзаж окрест томился красотой
вокруг всегда стояли день и лето
а дом гордился тьмой и пустотой
как будто миру остальному мстя за это
считали все вокруг что будто в нём
укрывшись никому не доверяя
произрастает лучший из цветов
тот что из рая
что эта затаённость
скромность де
и некий аскетизм присущий дескать
лишь символ дружелюбия к среде
что даже дерзость собаки местной
что порой скулит
так жалко в небо
здесь никого уже не удивит:
мол злая просто оттого скулит

осеннее

москва — промзона
тишины не терпит
в озоне дыры
скоро холода
в ней осень жезлом полицейским вертит
туда-сюда
а красота почти как в мезозое
как будто нет заводов и машин
и втаптываясь в землю новым слоем
все мельтешим ногами и спешим
туда где безразличны расстоянья
где гонит ветры чёрный скарабей
где рыба плавает не то пиранья
не то не рыба а и вовсе змей
там в глубине заоблачной трясины
почти как здесь но только без обид
там пишет дождь осенний день сангиной *
и выставляет холода на вид
и ни короткого ни длинного начала
ни скорого ни нудного конца
и радость бьётся в безмятежно малом
как сердце или тельце у тунца
а будет день с утра
или не будет
ну а тем более в итоге ночь
не так уж важно
в алгоритме будней
где нет желаний ближнему помочь

* **Сангина** (от лат. *sanguis* — кровь) — материал для рисования, изготовляемый преимущественно в виде палочек из каолина и оксидов железа.

АРКАДИН (ОНГЕЙБЕРГ) ДМИТРИЙ

(Ришон-ле-Цион, Израиль)

Дмитрий Аркадин (Онгейберг) репатриировался в Израиль из Ленинграда в 1990 году. Живет в Ришон-ле-Ционе. Прозаик, поэт, драматург, член Международного Союза писателей «Новый современник», член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор шести книг. Публиковался в журналах, антологиях, альманахах Израиля, России, Белоруссии, Америки, Германии. В литературном театре «Амальгама» города Бат-Ям осуществлена постановка спектакля по пьесе Дмитрия Аркадина «Летели комарики на воздушном шарике». Лауреат ряда Международных литературных конкурсов. Дипломант Международного конкурса имени де Ришелье сезона 2018 года «Алмазный Дюк».

Про осадки

Какая разница, когда,
какой погодой
я стану даже не рекой —
земной породой.

Дождём прольюсь в своей стране,
на стёкла падкий,
а люди скажут обо мне:
«Прошли осадки».

***

Не оставляй меня, Господь!
Ты не бери пример с живущих.
Пусть я не кровь твоя, не плоть,
но ты мне нужен прочих пуще.
Не оставляй меня пока
до храма дальняя дорога.
В меня вглядевшись свысока,
заметь, прошу совсем немного.
Ты можешь мне не верить, но,
но по другому жить могу ли?
Ты ближе всех уже давно
к моей единственной мамуле.
Всего себя перемолоть
и в мыслях быть с тобою рядом,
шепнуть: «Услышь меня, Господь,
пошли мне знак рукою, взглядом».
До слёз, до клятв, молебен вплоть
не оставляй меня, Господь!

***

В живых остаться можешь чудом,
как после пыток пионер,
когда порядочным паскудам
читаешь Блока, например.
Но не спастись поэту сроду,
прочтя свои стихи народу.

***

Любое богатство — мираж!
Утешься вещами простыми.
ТУДА не возьмут за багаж —
доставят с руками пустыми!
Как классно на брифинге строгом
предстать налегке перед Богом.

Про киносъёмку

Снимается кино: вот средний план,
вот панорамой — жёлтая природа,
а вот взлетает теннисный волан,
два старика играют время года.
Вот съёмка в ракурсе: паром спит у реки,
к парому жмутся восемь листьев прелых…
Последний кадр: всё те же старики
глядят из окон дома престарелых.
Не по сценарию вдруг — оба и в очках —
это усиливает киносверхзадачу.
И вся эпоха как бы в этих старичках
вместила Сталина и даже «Кукарачу».
Без грима, дублей и без монтажа,
(от сих условностей нет никакого толку),
переживая, мучаясь, дрожа,
снималась жизнь. И вот легла на полку.

***

А что бы хотелось прочесть
так мною желанного в Торе?
Конечно, там многое есть,
чего не прочтёшь на заборе.
В нём кодекс для веры — сполна!
А что в мире веры дороже?
Трепещет пускай сатана!
И всё же, и всё же, и всё же!
Охота жить там, где покой,
любовь где от дома до Нила.
Но, видно, для Торы такой
закончились Божьи чернила!

***

Прошла незаметно эпоха.
Оттуда, лишь снимки храня,
смотрю я с любовью, без вздоха,
где мама моложе меня.

На третьем Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Россией (Москва)

АРЦИС АЛЛА

(Москва, Россия)

Родилась и живёт в Москве. По профессии архитектор — окончила МАРХИ (Московский архитектурный институт (Академия). Член Российского союза писателей. Стала финалистом конкурсов «Поэт года — 2016», «Наследие — 2017», вошла в шорт-лист в номинации «Пейзажная лирика» Международного литературного форума «Славянская лира — 2018» в Минске. В декабре 2017 года выпустила книгу стихов «Зимородок».

Когда ты молчишь

Когда молчишь ты,
Я смолкаю тоже —
Травой без ветра, рыбой на песке —
Ни шороха, ни роздыха, ни, Боже,
Всех слов моих, зажатых в кулаке.

Мой рот твоим молчаньем запечатан,
Как выход, что за створкой потайной:
Я верный страж Вселенной непочатой,
Но я молчу, и ты молчишь со мной.

Слова мои, отважные вначале,
Теперь едва ли распознаешь ты:
Я костяная пуговка печали
На траурной рубахе пустоты.

Была бы я городом

Не мучнистой бабочкою белой
Я земле заёмный прах верну:
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну

О. Мандельштам

Посвящается жертвам трагических событий
в Кемерово 25.03.2018

Была бы я городом
вольным, могучим, гордым,
неприступным, как скала, —
били б колокола:
динь, дон, дан —
это сигнал дан,
и привиделось мне:
на зубчатой стене
пушечные бойницы
облюбовали птицы,
на карниз опускаются
аисты, аисты.

Была бы я городом,
на сотни вёрст развёрнутым,
в небо упёртым
своими стекляшками дутыми,
с мостовыми, в камень обутыми,
скрученными хитро,
заползающими прямо в метро,
я б мечтала:
чтобы светлее стало,
пусть назовут улицы
женскими именами —
Маши, Наташи, Ани —
верю, сбудется.

Когда я стану городом,
или аулом горным,
может быть, деревушкой
с меленькой речушкой,
с фонтаном и садиком,
с видом на виноградники —
приезжайте, пожалуйста.
Будут там жить аисты,
и капибары сгрудятся
у пруда,
а по главной улице
имени Кочуевской Наташи*
без труда,
не опираясь на палочки,
словно бабочки,
будут порхать бабушки
и дедушки наши.
И будут праздники:
все-все дети,
все, кто приедет
из Треблинки,

* **Наташа Кочуевская** — студентка театрального вуза, погибла на фронте в 1943 году. После войны её именем был назван Скарятинский переулок в ЦАО Москвы, где она проживала, но в 90-е годы прошлого века историческое название было восстановлено.

из Ленинграда,
из Кемерово,
смогут покататься на радуге —
сразу по семеро —
и поплывут кораблики
по речке до меленки,
по облакам беленьким,
по звёздам огромным
с горошины на горошину –
я буду городом
очень хорошим.

Смерть актрисы

Как долго, как некстати медленно,
Как только может течь вода,
Перебирая привередливо
Свои потешные суда,

Свои песчинки и печалинки,
У скудной памяти отбив —
Вот если бы рвалась отчаянно,
Наперекор, на перелив,

Хлестала бы, сочилась щёлками,
Собою заполняя дом, —
Но спички чиркали
и щёлкали,
Дразня змеиным язычком.

Озябли пальцы, пальцы маялись,
Как будто сами по себе,
Пока душа просила малости,
Молила милости к судьбе —

Так холодно бывает в августе
Одной впотьмах остаться вдруг —
Хотя бы мимолётной радости, —
И пламя вырвалось из рук.

И сердце вспыхнуло непрошено,
Не выбирая, — всё одно:
Горячим пеплом запорошено,
Не отогрето — сожжено —

Той женщины, девчонки
взбалмошной,
И одержимой, и святой,
Последняя, такая страшная,
Такая огненная роль.

Вся жизнь доиграна на лестнице
У театрального крыльца...
А пламя злится, пламя бесится,
Терзая нового гонца.

Зима в Гороховце

Пока рябиновую сласть
Не расклевали свиристели,
Пока рубиновую масть
Не замусолили метели,

Пока не встал на речке лёд,
Свинцовых вод не обуздавши,
Зима вдоль берега идёт —
Бредёт, не солоно хлебавши.

Так не бела, не хороша,
Что никому её не надо —
За монастырскую ограду
Бочком скользнула не спеша.

Не на покой, не на поклон,
А вдруг прикинулась цыганкой:
Пустила дыму от цигарки,
Хрустящий вздёрнула подол —
И снег пошёл,
пошёл,
пошёл...

Линия

Любовь исчезла — линия осталась.
С. Каратов

Как надоело ни о чём
Мусолить вечер.
Уткнусь в усталое плечо,
И станет легче

Из горсти в горсть пересыпать
То то, то это,
И всё равно не засыпать,
Кляня рассветы.

Ты слышишь, как на подоконник
Села птица?
А я хочу в твоих ладонях
Заблудиться:

В ложбинках сгину я,
Запав за бугорочки.
Да что мне линия —
И так дойду до точки.

И птица вещая —
Как ангел в изголовье:
Мечту извечную
Поэт назвал любовью.

Асманов Александр

(Москва, Россия)

Родился в 1958 году. Окончил журфак МГУ. Профессии: журналист, литератор, художник, дизайнер, фотограф, переводчик… Член творческих союзов. Лауреат нескольких российских и международных конкурсов. Кавалер нескольких наград.

***

Мы шли на «вы», мы шли с горы,
Победы славной мы алкали,
И наши чудо-топоры
Как звёзды яркие сверкали.

Вы шли наверх, вы шли на «мы»,
Вы поднимались вверх из топи,
И были остры и прямы
На нас нацеленные копья.

Вини меня, себя вини —
Погибнем все, погибнем вместе…
…Ну а потом придут «они»
И заживут на нашем месте.

Предъюбилейное

Как с козла, с меня нынче надою:
Сон, работа, работа и сон.
Поросло либидо лебедою,
Израсходован тестостерон.

Протекают худые подмётки, —
Что с того, коль не чувствую ног?
Не кураж, а похмелье от водки,
Организм источает песок.

Тьма штурмует оконные рамы,
За порогом всё чаще зима,
И такая тоска вечерами,
Что сойти бы скорее с ума…

Наступают сомненья на пятки,
Тянет крепким навозом с полей…
Это, в общем-то, значит, ребятки,
Что вот-вот у меня юбилей!

Цыганочка эмигрантская

Воротясь в страну отцов,
В отчину обидчиков,
Я упал сперва лицом
В очи пограничника.
Думал, вызовет конвой,
Как в эпоху прежнюю,
Но мотнул он головой,
Дескать, не задерживай.

Канавэла, ромале,
Славься рупь в кармане!
Мы в скитаньях по земле
Все теперь — цыгане,
Шустрой стайкою малька
Ищем, где поглубже…
Я вот думал — жизнь река,
Оказалось — лужа.

Позади аэропорт,
Впереди престольная.
И нашёптывает чёрт:
Загулять от вольного!
Чтобы вспомнили меня
Подо всеми крышами,
Где жива ещё родня,
Хоть она и бывшая…

Я в Париже жил с тоской,
Я Мадридом брезговал.
Дайте улицы Тверской
И проспекта Невского!
Забрала дворы страна
В кованы решётки —
Эх, дай горького вина
Или сладкой водки.

Нет, напрасно я хотел
Прежних собутыльников —
Тут у каждого Е-мейл
И по два мобильника,
Банкомат и паркомат,
Словно Ленин с Крупскою…
Здесь по-русски говорят,
Но ни слова русского.

Ах, ты басан, всё не так,
Сука в переборах!
Это что же значит «фак»
На родных заборах?
Может, я ещё в пути?
Может, я не дома?
И зачем им тут бутик
Вместо «Гастронома»?

Я ж приехал вас учить
Жить цивилизованно,
Я же помню — тут в ночи
Девки нецелованы,
Разговоры, бунтари,
Очереди, зоны
И от самой от зари
Колокольны звоны…

…Где же ты, моя страна,
Где ж вы, мои люди?
Я-то думал, ни хрена —
Думал, не убудет…
Думал, сколько ни черпай,
Не достать до края…
Я искал когда-то рай,
И лишился рая.

Рождение ведьмы

Вулкан метро раскрыл гремящий зев,
Людская лава и кипит, и плещет.
В ней блещут искры одиноких дев,
Чернеет камень недоспавших женщин.

Тяжёлый жар, поднявшийся со дна,
Песок слезы в стекло пустого взгляда
Переплавляет. Но в толпе одна
Есть та, которой лучшего не надо.

Её не злит толкающийся люд,
Чужая брань нимало не тревожит,
Ей наплевать, куда они идут —
Прохожие, теснящие прохожих.

Её поднимет эскалатор вверх,
Мелькнёт зелёным светофор с испугу,
Она пройдёт, как первородный грех,
Сквозь белую рождественскую вьюгу.

Глядеть ей вслед не стоит — не гадай,
Откуда этой женщины дорога.
Она давно не вспоминает Рай,
Она не ищет милости у Бога.

Ей ведомо, что будущее врёт,
Что прошлое замёрзло, словно птица…
Ещё три шага — и она умрёт.
И беспощадной ведьмой возродится.

Вий

Леониду Колганову

Когда-то жилось в нашей веси богато,
Под небом высоким согласье да мир,
На речке ловили плотву пацанята,
Отцы в воскресенье сходились в трактир.

С кумою кума языками чесали,
Скотина паслась, колосились хлеба,
Мы жили спокойно, мы горя не знали
От мора, от ворога и от ума.

Гремели на дальней чугунке вагоны,
По тракту кандальники плыли в пыли,
А мы на поправку окладов иконам
Отцу Диодору монетки несли.

На ярмарку в город, бывало, и барин
Заедет да выкатит бочку вина.
Обмерит кого канифасом татарин —
Его посекут, — он отпустит сполна…

…По благости этой мы справили тризну,
Мы нынче умны — не ищи дураков.
Так было бы ныне, так было бы присно,
Так больше не будет во веки веков.

И в старой часовне у края кладбища
В тяжёлый и тёмный предутренний час,
Какие-то бесы всё ищут да ищут:
Зачем бы? Кого бы? Вестимо, что нас.

Да сами мы стали от них неотличны,
У старых и малых ножи в сапогах,
А души тревожат заморские кличи
На птичьих невнятных и злых языках.

Кто в храме свечу у иконы затеплит?
Кто выгонит нечисть за круг меловой?
Мы нынче оглохли, мы нынче ослепли,
Мы нынче всё реже дружны с головой…

В селе тишина. Не найти человека.
Лучинку спросить без опаски нельзя…
А ну-ка, сосед, подними-ка мне веки,
Давай-ка посмотрим друг другу в глаза.

Прощёное воскресенье

Дома, обочины, лабазы,
Канавы, грязи, купола…
О Господи, прости мне сразу
За всё, за все мои дела.

Прости растерянность, усталость,
Досаду, глупость, седину,
Прости, что я уже под старость
Опять люблю свою страну.

Что я зову друзей, как прежде,
Хотя разборчивее стал,
Прости, что подавал надежды
И столько их не оправдал.

Прости за фраерство, за моду,
За фанфаронство, за понты,
Прости за то, что не дал в морду
Тому, кому хотел бы Ты.

Прости за помыслы благие,
Не дай душою обнищать…
И пусть меня простят другие —
А мне им нечего прощать.

Раненый витязь

По грунтовке бугристой, как строй черепах,
До окраины поля, до леса,
Где белеют под серым дождём черепа
Всех, кто нынче уже бестелесны,
добреду…

И наглядный колючий финал
Распластается в тёмном тумане,
И припомнится, как я легко начинал,
Как читал наставленья на камне.

Как смеялся, наборной уздечкой звеня,
Шестопёром пудовым играя, —
Мол, направо пойдёшь, потеряешь коня,
А налево — себя потеряешь.

И ходил же направо, теряя коней,
И налево ходил втихомолку,
И от сотен вокруг путеводных камней
Не видал путеводного толку.

А ведь было ж написано: «Прямо пойдя,
Что обрящешь, известно лишь Богу…»
Но искал я, наверное, только дождя,
А казалось, — дорогу, дорогу…

Вот и всё. Этот мир по-ноябрьски седой,
Спой мне что ли прощальную песню —
Слишком долго лечился я мёртвой водой
И теперь от живой не воскресну.

Колобок

(Нравоучительная баллада
с посвящением Валентине Бендерской)

У Колобка сферична стать,
И очень крут замес.
Ему б любить, ему б страдать,
А он, поганец — в лес…

Ведь мог бы тихо жить с людьми,
Но больно дерзок он,
Небось, не плюшка, чёрт возьми!
Хотя и не батон.

Вот скачет, мнет себе бока
На ямах и корнях,
Что провидения рука,
Когда неведом страх?

Уже от зайца ускакал,
Доволен сам собой —
Мол, брысь ушастый! Чё пристал?
Я ж, блин, не голубой!

Уже и волк ему не мил,
А как в кусты манил!
Уж и медведю он вопил:
«Остыл бы, педофил!»

А тропка дальше в лес ведёт,
А тропка всё темней,
Эх, Колобок, ну кто там ждёт
Ещё тебя на ней?

Увы, везения уже
Иссякла полоса,
Навстречу вышла в неглиже
Развратная лиса,

Горит её блестящий глаз,
Сверкает рыжий бок,
И в сети женские на раз
Попался Колобок.

Познал круженье в голове,
А после — ничего.
И только крошки на траве
Остались от него.

Он перед смертью видел взгляд —
Что алчен был и лжив…
… А ведь вернулся бы назад,
К старухе — был бы жив!

Бендерская Валентина

(Тель-Авив, Израиль)

Музыкант, поэт, переводчик, «Отличник народного образования Украины», Член Международной гильдии писателей, член Международного союза писателей Иерусалима. Лауреат премии имени Владимира Набокова Интернационального союза писателей за 2018 год, удостоена звания «Виртуоз словесности» Международной гильдии писателей. Автор пяти поэтических книг: «Фрейя», «Стихи из мусорной корзины», «Асфодели непознанный профиль», «Выкрутасы эйдоса», «Любовь-Крысолов». Инициатор и организатор Всеизраильского поэтического клуба «ПоВтор» в Тель-Авиве, которым руководит совместно с Леонидом Колгановым. Автор идеи и составитель альманаха «Свиток 34» по материалам Международных поэтических телемостов «Поэзия без границ», проводимых клубом «ПоВтор», а также антологии поэтов Житомирщины «ПАРК Шодуара» (Поэтическая Антология Родного Края Шодуара). Печатается в журналах и альманахах СРПИ, ИСП, МГП, МСПИ, таких, как «Новый Ренессанс», «Созвучие муз», «Крестовый перевал», «Под эрой Водолея», «Юг», «Литературный Иерусалим», «Артикль» и других, а также «Світло спілкування» (Украина). Многие стихи переведены на украинский, польский, болгарский, немецкий, английский языки.

Авитаминоз любви

1.

Подпирая зрачками небо,
распластавшись в узоре квадрата,
в геометрии лунного света
вычисляю наличье собрата.

И не так уж чтоб мне одиноко,
не сказать, чтобы было мне грустно…
Но моргало небесное око:
«Свято место не должно быть пусто».

Где живёт вот такой же отшельник?
Я его призываю в созвучье.
Может, он и не мой современник,
а из расы, ушедшей в затучье

в те далёкие годы парадов,
когда глину с адамов месили,
когда жатву с роскошных парадных
вероломы и голод косили?

Посылаю сигнал соплеменнику —
по морфеме и книжному хрусту
мы друг друга найдём, поелику
свято место не должно быть пусто.

2.

На белом листе оставляет перо
Слова, как следы на снегу.
Кровь жилой на дне сердца бьёт болеро:
Я что-то ещё могу.

Сквозь чащу домов пробираясь к лучу,
Как в праздник заутрени звон,
Беззвучно, во весь голос криком кричу:
«Я — здесь, я живая!!! Где он?»

Где ты, мой незримый неведомый муж?
Мне мужества горсть наскреби.
Взялась я за гуж, не скажу, что не дюж,
Но всё ж, имярек, подсоби.

Врезаюсь зрачками окрест в пелену,
Ища совпаденье следам…
В бессонную ночь посмотри на Луну,
Мы встретимся взглядами там.

Любовь-Крысолов

Леониду Колганову

В стихах зародилась любовь,
как атомный взрыв,
как вулкан в океане.
Стихами ожившая кровь
плескала навзрыд
истеричкой… В обмане,

в бреду психоделики слов,
напалме страстей,
изуверстве страданий
манила любовь-Крысолов
заблудших гостей
на жаровню свиданий.

И этот последний пожар,
как звёзд снегопад,
как цветок полнолунья, —
тебе, мой нечаянный дар.
Сердечный распад
сердобольная «лгунья»

тебе лишь отдаст — не таясь,
без страха, стыда
или слов сожаленья,
впадая в интимную связь,
замкнув провода,
от стихов наважденья.

И выйдет на девственный свет,
как мученик зла
из темниц подземелья,
любви отцветающих лет
печальная мгла —
и не будет похмелья.

Льдяная фуга

1.

Белы снеги́ в тихой неге
на полях и на лугах.
Стеблей пегие побеги
разлинованы в углах

изразцовых льдин озёрных.
Бело-чёрное панно
утопает в красках чёрных —
ночь зашторила окно.

Лессировками морозом
слой за слоем по стеклу —
стекленеют под наркозом
гривы трав… Венцом во мглу

тычет церковь, крепость пала
от нашествий серых туч…
Я бы пред тобой упала,
если б не был ты колюч…

2.

И остались тобой не замечены
искромётные страсти метели.
Погасили сегодня свечи мы
на краю нераскрытой постели.

Не испили хмельное желание
настоявшейся сладостной браги.
И ложатся стихи в оправдание
на листки белоснежной бумаги.

И ложатся цветы друг на дружку,
словно скошенные печалью.
Ты никак не забудешь подружку,
перетёртую дальнею далью…

И фантом угрызения совести,
как свидетель, былые ошибки
теребит в окончании повести
на портрете усталой улыбки.

3.

Когда я тебя разлюблю,
мне больно уже не будет.
Крест чёрный по календарю
оплавится скупостью буден.

И буду вручную закат
сама опускать над постелью,
ложиться в свой маленький ад
на стылую простынь
метелью.

Остыну… Звенящую стынь
уже не почувствую кожей.
Моя однобокая тень
застынет в проёме прихожей.

Заснежит зальделую дверь,
и холод восславит искристый…
Нет боли утрат и потерь,
в чьём сердце — осколок
льдистый.

Бердичев

Мой город родной, неказистый,
С потёртостью маленьких крыш.
В реке под горою волнистой
Ласкается томный камыш.

Плывут между улочек скромных
Неспешно уютные дни
И в двориках старых укромных
Мерцающей жизни огни…

Мне любы твои ароматы,
Капели из вишенных вен
И остров небрежно косматый
Вблизи кармелитовых стен,

Надтреснувший звук колокольни,
Израненной горестью лет,
И крик петуха протокольный,
Вещающий **новый** рассвет!!!

Запутался ветер в моих волосах

Запутался ветер в моих волосах.
Он был очарован игрой светотени,
взвивался, сплетался, как травы в лесах
с опавшими листьями гривы осенней.

Он нежился в запахах пряной волны,
в их блеске, в их солнечных ярых объятьях,
пьянел от удушья, и — страстью полны —
взлетали с ним вместе оборки у платья.

Он падал к ногам моим, млел у виска,
шептал шелестеньем интимным на ушко.
Он обнял меня и, завыв, как тоска,
понёсся в неведомый мир за опушкой...

Моя кровь

Кровью моей стали два цвета:
солнечный **Жёлтый** от щедрого лета
с хлебами и хмелем, от золота Лавры,
тот жёлтый, как мёд, как степные пожары,

и жара Стожаров, Луны окаянной —
в ночной бесовщине разгульной и пьяной;
и цвет **Голубой** — от весеннего неба,
от льна голубого — полесского «хлеба»,

от голубя воли, свободы и мира,
от синего моря у Южной Пальмиры,
от света далёкой звезды одинокой,
что ярче всех звёзд той страны синеокой,

бездна которой, с рассветом бледнея,
цветёт синью нежной. Лазурная Гея
глядится в надзвёздные сферы зерцала —
в ней крови двухцветной исток и начало.

Отчий дом

Дом ещё живёт и дышит
Ранним утром акварельным,
Сном таинственным под крышей
И томлением пастельным*.

Ещё бури и прибои
В нём бушуют, как и прежде…
Только жёлтые обои,
Как потёртые одежды.

Только трещин паутина
Расползлась по штукатурке,
И в пруду заросшем тина,
Словно бархат на шкатулке.

Малахитовая зелень
Обнимает дом снаружи,
Зев оконный в нём побелен
Отпечатком нежных кружев.

И пока в нём бьётся сердце
В ожиданье блудной дочки,
Я сюда приду погреться
И плести из слов веночки.

* **Пастельный** — окрашенный в мягкие цвета, имеющий нежные оттенки.

Березовская Дина

(Беэр-Шева, Израиль)

Родилась в Крыму. Закончила филологический факультет Крымского государственного университета. Живёт в Беэр-Шеве, работает координатором в Приёмной Государственного контролёра. Член Международного союза писателей Иерусалима и Союза русскоязычных писателей Израиля. Публиковалась в журналах «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Дальний Восток» (Россия). Автор книги стихов.

Будни

День за днём твердя всё ту же роль,
Мельничку свою вращает мельник.
Рассыпая утреннюю соль,
Вечный наступает понедельник.

Вот и я в который раз подряд,
С лёгкостью, одной лишь мне присущей,
Вновь беру свои слова назад,
Понимая, что момент упущен,

Тот, когда писались и рвались
Письма на бумаге в стиле ретро,
Чтобы резал плоть тетрадный лист,
Не дойдя до сердца сантиметра.

Жаль, что не опишешь на листе,
Как порой самим себе не веря,
В спешке и куриной слепоте
Мы теснимся у закрытой двери.

И глядит дежурный бог-на-час,
Не скрывая детского испуга,
Сверху на клубок счастливых нас,
Люто обожающих друг друга.

Утро

Стынет чай, машина не заводится,
Некогда наряды выбирать,
И в такую рань вставать приходится —
Чтобы позже было умирать.

Нет ли, Боже, лишнего билетика
На один-другой десяток лет?
У меня хорошая генетика,
Жить да жить, прищурившись на свет.

Лёгкий нрав, генетика хорошая,
Утро, полотенце на спине
За плечо небрежно переброшено —
Словно стяг на крепостной стене…

Мишура

Средь утренней пыльцы
Облюбовали ветки
Гортанные певцы
Немыслимой расцветки,

Ворвавшись в мой застой
Призывным опереньем,
Нелепой суетой
И неуместным рвеньем,

Все правила игры
Нарушив, как подростки,
Где прежней мишуры
Я сохраняла блёстки

И прикрывала стыд,
И утирала слёзы
Прощаний и обид
Тряпицей из вискозы.

Не отниму лица
От пёстрой той тряпицы —
Там ветки, и пыльца,
И суета, и птицы…

Песенка об осенней хандре

Не лежится, не сидится,
И тревогу не унять.
То ли богу помолиться?
То ли стрижку поменять?

Под ногой шуршит во прахе
Кроткий месяц вандемьер,
Мой придворный парикмахер,
Кавалер весов и мер,

Красит ловко кистью тонкой
В цвет пурпурно-золотой
Грустным тёткам под клеёнкой
Каждый локон завитой.

Пахнет остро и приятно
Свежей краской для волос,
Чтобы просто и понятно,
Листопадно мне жилось.

Чтоб не вымолвить упрёка,
Это всё моя вина:
За молчанием — тревога,
И под краской — седина.

Бессонница

Сквозняк стучит оконной створкой,
Неразличимой в темноте.
Весь кофе этой ночи горькой
Сбежал, забытый на плите.

И не спасёт ни фарт, ни опыт,
Когда ступаешь за порог,
Когда на дне оставив копоть,
Последний выкипает срок.

Глоток дегтярного напитка,
Как шип сапожного гвоздя —
Моя последняя попытка
Не оглянуться, уходя.

Звонок

Никто не выдумал пока
Банальней и печальней сцены —
Ждать корабля или звонка,
Когда касается рука
Небесной клавиши отмены.

Как он дотошен, сукин сын,
Злой гений времени и места.
Как смотрит горестно невеста
Сквозь рой стрекочущих кузин!

Как безыскусен этот знак,
Прямой, без всякого подтекста,
Но стыдно сделать первый шаг,
С которого начнётся бегство.

И твой смартфон — пиши, сотри,
Звони ему, свежо преданье… —
Давно окислен изнутри
Привычным ядом ожиданья.

Песок

Опять хамсин закрутит жёрнов,
Швырнёт в его песчаный зев
Кофейни городских пижонов,
Надежды одиноких дев.

Стремительный и неуклюжий,
Смесь воровства и простоты,
Пустых словес, потуг досужих,
Чужой сердечной маеты.

Его уловки и убытки,
И поцелуи невпопад,
Его напрасные попытки
Вращенье повернуть назад,

Все вспышки несусветной дури,
И наши встречи налегке,
Как эпицентр песчаной бури —
В моём зажаты кулачке.

Где ты?

Ты давным-давно уехал,
Всем метаньям вышел срок,
Но как радиопомеха,
Возникаешь между строк.
Ты теперь меня не тронешь
Сквозь пространство и эфир,
Словно в запертом вагоне
Задремавший пассажир,
Тот, что видит спозаранку
Из окошек поездов
Только серую изнанку
Незнакомых городов.
Ты уже не различаешь,
Злых попутчиков язык,
Ты не знаешь, где причалишь,
И текут с небес печали
В рукава и воротник.
Где ты, мною позабытый,
До кого мне дела нет,
Бродишь без моей защиты
Нескончаемой орбитой
Самой дальней из планет?

Счастье

Я тебя не ждал под дверью:
Правда или ложь?
Защемило в подреберье,
Думал — не придёшь.

Счастье кухню обживает —
Чайник и свисток.
Колко пальцы обжигает
Счастья кипяток.

Разрешения не просит,
Режет сыр к винцу…
А потом удар наносит
Прямо по лицу.

Бьёт дворово, бестолково,
Но наверняка,
Чтоб настойкою терновой
Налилась щека.

А потом целует ранку —
Губы с коньяком,
Да ещё лизнёт изнанку
Мокрым языком.

Рана больше не сочится,
Но саднит, увы.
Это счастья сукровица
Заживила швы.

Что гадать, как лягут масти? —
Вся любовь — жульё.
Спи уж, луковое счастье,
Горе ты моё!

На первом Международном поэтическом телемосту между Израилем, Украиной, Испанией, Германией

Босина Евгения

(Нагария, Израиль)

Родилась в Киеве. В 1990 году вместе с семьёй репатриировалась в Израиль. Живёт в городе Нагария, преподаёт русский язык и литературу. Автор 4-х поэтических сборников. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Лауреат премии имени Давида Самойлова.

***

В понедельник, в полвторого,
По своим делам спеша,
Оцарапалась о слово
Чья-то нежная душа.

Ранка вроде небольшая,
Неопасная на вид:
То как будто подсыхает,
То, глядишь, опять кровит.

С этой болью нету сладу,
Тёмен день и ночь страшна.
Так ей, неженке, и надо —
Пусть не будет так нежна!

Не оружьем огнестрельным
Был оставлен этот след.
Понимает: не смертельно,
Только жизни тоже нет.

Видно, слово знало дело,
Как никто его не знал:
Только чуточку задело.
Лучше б сразу — наповал.

***

Что-то стало мне к вечеру грустно.
Как дитя, где-то плачет сова…
Говорите со мною по-русски,
Я уже забываю слова —

Те слова, что, казалось, навеки
Отпечатаны в мозге спинном.
Говорите со мной, человеки,
На великом, могучем моём!

Он — в истоке пути и в итоге,
Глас небесный и голос земной.
Говорите со мной, ради Бога,
Говорите по-русски со мной,

Если вдруг одолеет усталость,
Сдавит сердце тоскою полей…
Это всё, что, пожалуй, осталось
У меня от России моей.

***

Всё утро на Голаны падал снег,
И не было ему конца и края,
И плакал, слёз своих не замечая,
На это глядя, снежный человек.

В глазах его навек застыл вопрос.
Душа его темна. Он весь загадка.
Он снег ловил губами — думал, сладко.
Но было горько. Видимо, от слёз.

Откуда он? Где дом его? Бог весть…
Но, кажется, и Бог того не знает.
Шёл снег в краю, где снега не бывает,
А снежный человек зачем-то есть.

***

Словно общим кровотоком,
Нас связало, милый мой,
На придуманном Востоке
Непридуманной судьбой,
Жизнью, смертью, что другим,
Может быть, и удаются,
Чёрным проводом тугим —
Кольца глянцевые вьются.
Опрокинется восход
И зальёт проём оконный —
Это сердце захлестнёт
Петлей провод телефонный.
Разлетится на куски
Шар земной, большой и хрупкий,
И завоет от тоски
Одинокий голос в трубке.

***

Покуда под ногами твердь,
Покуда не разверзлись хляби,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Давай попробуем хотя бы.

Нам ведом взмах её крыла,
Её повадки нам знакомы.
О смерть, когда б ты ни пришла,
Нас никогда не будет дома —

Явись хоть днём, хоть поутру,
Хоть в душный час перед
рассветом…
Давай затеем с ней игру,
Давай отважимся на это:

Устроим праздник, кавардак,
Все карты спутаем в колоде,
Нарушим — этак или так —
Круговорот беды в природе!

Пока свече в окне гореть,
Звезде — мерцать на дне колодца,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Пока обман нам удаётся,

Пока ещё за кругом круг
Состав вершит без остановки,
Пока ещё нам сходят с рук
Все эти детские уловки.

***

Я здесь была давным-давно.
Я раньше видела всё это:
Стол у окна, само окно
С полоской льющегося света.

Я ошибиться не могла —
Цвета, оттенки, блики, тени…
Я в этой комнате жила
Ещё задолго до рожденья,

Тому назад столетий шесть,
А, может, более — не важно.
Кем я была тогда? Бог весть,
Но я была уже однажды.

Здесь всё не тайна для меня,
Здесь всё знакомо до испуга.
О, эти стены мне родня!
Мы столько знаем друг про друга!

Мои ладони помнят их
Слегка шершавую прохладу.
Был вечер, так же свеж и тих…
Мне страшно, Господи, не надо!

Сгинь, наважденье, отпусти!
Давно сгоревшие закаты
Зачем мне помнить и нести
Груз жизни, прожитой когда-то?!

Что ж, не решиться ль на побег?
Сейчас я выйду… дверь закрою…
А здесь — останется навек
Та, что была когда-то мною.

***

Летели недели гремящим составом
По рельсам опасным, лихой колее,
Бросало вагоны то влево, то вправо,
То будто рукой прижимало к земле.

Вагоны мелькали, вдали пропадали,
И в каждом — набитом обрывками снов —
Всего было вдоволь: любви и печали,
И будничных тайных и явных Голгоф.

Поля, перелески, разъезды, вокзалы…
Ни выйти нельзя, ни вернуться назад.
Те, кто распинал и кого распинали, —
Все вместе несутся вперёд наугад.

Грохочет состав по стальным параллелям
Сквозь пыльные бури, сквозь ливни и снег.
А что же потом, за последним туннелем?
О бедный, о слабый, смешной человек!

О, эта безумная вечная тряска!
Но снова с улыбкой на сонном лице
Ребёнок в купе засыпает под сказку
Про свет, что обещан был кем-то в конце.

На пятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Россией (Москва), Грецией

Журавли
Евгений

(Калининград, Россия)

Родился в 1979 году в городе Ярцево Смоленской области. Предприниматель, краевед, публицист. В рамках сотрудничества с общественно-политическими и гуманитарными организациями, как исследователь и журналист, совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс. Победитель и лауреат международных литературных конкурсов/премий «Хрустальный родник 2016», «Большой финал 2015/16», «Русский Гофман 2017», имени Шестакова 2018, «Писатель года 2017» (Русского литературного общества имени Антона Чехова). Стихи и проза опубликованы в журналах «Берега», «Szozat» («Зов», Венгрия), «Русское Эхо», «Южная Звезда», «Бийский Вестник», «Врата Сибири», «Лиффт», «Подъём». Участник поэтической группировки «LosPoetas#ЭтиПоэты».

***

он был рождён, чтоб сжигать мосты
его жёлтые, исписанные, листы,
как искры,
падали на толпу
он брал всё, с усмешкой, всегда даря пустоту

сколько капель оставил он тысячам щёк?..
порванных писем,
недописанных строк...
лишь закроешь глаза, и вдруг — пёстрый табор.
его имя октябрь

***

верить, терпеть, идти, ждать,
думать, искать, созидать, лгать,
чувствовать, видеть, жалеть, бить,
ранить, учиться, кричать, мстить
знать, ошибаться, молчать, мечтать,
падать, вставать, доверять, брать,
действовать, каяться, плакать, любить —
всё это ОДНО слово:
жить

***

на часах без четверти
взгляд в вечное
бокал красного
чистосердечное
во взгляде расширенных — крик
за пеленой
в трубке «временно не...»
шёл проливной

***

Где одинокой звездой горит огонёк моей сигареты
где два тела горячих прижавшись спиной к спине
постигают ответы отменяя запреты
я шагаю по воздуху сквозь ночь к тебе
воздух держит лишь связанных с небом узами крепкими
сигарета эта — как воскуренный фимиам
в нашем жертвенном ложе заветы вдруг стали ветхими
ты на жизни моей поставила крест но получилась не могила а храм
там где тьма смотрит в тьму пустыми иконами
а в безумстве смерти один ковчег — кровать
нанести бы на стены облики нового бога
я учусь рисовать

***

душа моя
звенит молчанием как пустой храм
царапины на кафеле прожитых лет
затёртые следы
и тлен побед
слова мои? их нет
не ждут чтобы паломников впустить
не плодоносят чтобы дать вкусить
и не стекаются в купель чтобы когда-нибудь излившись прокричать
ворохи нот
которым нечем прозвучать
молчат
лишь оглушительная тишь
насупившись висит под сводом крыши
и вряд ли кто-то знает как внутри
болезненным жгучим огнём горит
надежда раскатиться звонким эхом снова
на первое
живое слово

На втором Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Бердичев), Испанией (Мадрид)

Канеева Елена

(Калининград, Россия)

Елена Канеева 1956 года рождения: Калининград, 49 средняя школа, Калининградский технический институт, остров Сахалин, Калининград… — пенсия! Теперь песни, стихи и всяческие метания. А также популяризация того, что ранее считала неполноценным. Две книги стихов с рисунками. Публикация стихов и прозы в журналах детских: «Мурр+», «Мавочки и дельчики» (электронный) и взрослых: «Берега», «Балтика», «Лиффт». Участие в литературном объединении «Эклога». Лауреат Международного фестиваля «Всемирный день поэзии» 2017 года.

Стихотворение о том, чего не было

Не было когда-то,
не было солдата.
Не было солдата,
не было меня.
Для меня, солдата,
не ковали латы.
У меня, солдата,
не было коня.
Я не нёсся полем,
вдоль по-над оврагом.
Не стегали травы
конские бока.

Я не был красивым,
удалым, ревнивым.
Нет, не убивали
во поле стрелка.
Только положили,
как приворожили.
Небо — синим стягом,
брови — облака.
Васильковы очи
думу закружили
чередой ромашек
белого полка.

***

Ах, как время идёт…
Как уходит
Блаженное время.
То не время уходит,
Ты — молча и жадно идёшь.
От Руслановой голос
Звенит по промёрзшему радио
Так, что тело бросает
В восторг и в промозглую дрожь.

Моя старость сметает
С дороги опавшие листья,
Моё детство ногами
Кленовую медь ворошит,
Моя юность парит
Над взлетевшими в высь
Письменами.
Любопытствуя, небо
Волшебною влагой дрожит.

Говори иль молчи,
Не скучай и не злись,
Если можешь.
Я грущу без тебя, опасаясь
За каждый твой шаг.
То читаю твою, как свою
Потаённую повесть
На клочках ржавых листьев,
Как в пепле истлевших бумаг.

Город где-то внизу,
Он возник и растаял, как горы
Среди каменных рек,
Голосов и нечаянных рук.
Его серый бетон,
Словно дождика ритм,
Монотонен,
Где деревьев стена
В гулком шуме последних разлук.

Моя осень сметает
С дороги опавшие листья,
Старый дворник, как я,
Еле-еле метлу волочит.
Моё детство и юность
Ныряют,
А после взлетают,
Создавая пути,
По которым планета летит.

***

Кто без страха и упрёка,
Не поверю я тому.
То ли люди, то ли кони
На высоком берегу.

Экономно, как в картине,
Выбирается сюжет.
Мамы льют скупые слёзы,
А сыночков дома нет.

Береглись бы, берегли бы,
Да нет слуха на слуху.
Вьётся дым, грохочет выстрел
На далёком берегу.

Экономно, как в картине,
Приближается сюжет.
Бьются люди, бьются кони,
А сыночков больше нет.

Слова

Слова, бегущие как точки
По линии, как по холсту.
    Расцвеченные светом кочки
    Земли, растущей в высоту.

Слова, скользящие как птицы
И улетающие вдаль.
    Заклеенные сном ресницы —
    Непонимания печаль.

Слова — безумные. Готовы
Сорваться, натворить беды.
    Поалфавитно и поротно
    Собравшиеся тут — кто вы?

Первоцвет

Фантазия столь первозданна…
Я окунаюсь в первоцвет.
Ещё зима и снега тайна
Таят немыслимый секрет
В кристаллах нежных словоблудий,
Которыми звенит ручей,
Под тонкой коркою иллюзий,
Под коркою былых идей —
Под коркой льда.

В любовной неге
Тычинки, пестики цветка
Мне устремляются навстречу,
Нежданные, как облака.

Каратов Сергей

(Москва, Россия)

Сергей Каратов — автор двенадцати поэтических сборников, последний из которых «НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ЖЕНЩИНУ ОДНУ» вышел в 2014, а также романа «Тайны тринадцатой жизни». Родился на Южном Урале в городе Миасс, Челябинской области. Окончил Миасское педагогическое училище в 1965 году, работал учителем в школе, трудился в геологии на севере страны, на заводе. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1977 году. В том же году выпустил свой первый поэтический сборник. После учёбы остался в Москве. Вёл литературную студию «Звезда». После второго сборника «Снежная ягода» был принят в Союз писателей СССР. Публиковал стихи в различных журналах: «Новый мир», «Юность», «Октябрь», «Смена», «Сельская молодёжь», «Студенческий меридиан» и других. Стихи переведены на итальянский, немецкий, французский, румынский, английский, вьетнамский, азербайджанский, эстонский и другие языки. Публикуется как в России, так и за рубежом: в Израиле, в Германии, в США, в Румынии, в Туркменистане, во Вьетнаме, в Эстонии, в Азербайджане, в Турции, в Узбекистане и других странах. Ряд стихотворений были положены на музыку известными в России композиторами. Песня «Не оставляйте женщину одну» — одна из самых популярных в репертуаре многих российских композиторов, актёров и исполнителей, таких как Анатолий Папанов, Нани Брегвадзе, Александр Барыкин, Игорь Корнелюк и другие. Сергей Каратов побывал в двадцати двух странах мира, участвовал в ряде международных поэтических фестивалях. Член Союзов писателей России, Москвы, Интернационального союза писателей, Союза писателей XXI века.

Берег

Цветут миндаль и алыча,
Весна — предвестница восторга.
А ветер, волны волоча,
Над морем движется с востока.

Мы здесь то в море камень кинем,
То ловим луч, закрыв глаза;
Барашки белые на синем,
Над ними щерится гроза…

Остановились на мыске,
Искусно кем-то завитые,
Лежат ракушки на песке —
Рапанов домики пустые.

И нас житейские шторма
От моря жизни отодвинут.
Но всё равно — ушла зима,
А с ней и все невзгоды минут.

Сверчок

Бой часов, исходящий от гирек,
Разгоняет душевную мглу.
Что сверчок, деревенский мой лирик,
Сиротливо замкнулся в углу?

Вспыхнет солнце бодряще и ярко,
Будет много волнующих встреч,
Переселишься к деду в столярку,
А к зиме возвратишься за печь.

Понимаю, что круг твой замкнулся,
Ставший формулой: «Знай свой шесток!..»
Не один через это рехнулся —
Мир для певчего слишком жесток.

Не приученный петь по заказу,
Выходи, развлечёмся вдвоём!
Для начала ударим по квасу,
А потом и покрепче нальём…

А потом ты и сам забояришь,
Лихо вскинешь задорный смычок,
Мир Божественным звуком одаришь,
Не допущенный к славе сверчок.

Домой

Домой вернёшься сыном блудным,
Где не звучать трубе победно.
Мы все под этим солнцем скудным
Места делили худо-бедно.

К чему рвались и что делили?
Казалось, жизнь преобращали…
Но дом возводят в том же стиле
И сыты теми же борщами.

Нет никого!
Лишь друг мой давний,
Не говори высокопарно…
Талант, отцом в дорогу данный,
Ты где-то промотал бездарно.

Здесь всё давно подверглось тленью,
Остались родина, опала…
Не опускайся на колени,
Коль в этом надобность отпала.

Вития

Не льстят года, так будьте же любезны
Оставить своё место молодым.
Но место это — топь, стихия, бездна —
И вряд ли по душе придётся им.

Нет смысла ждать признания иль денег
Тому, кто выйдет на твою стезю,
Сочтут, что он вития и бездельник,
Безбашенно идущий на грозу.

Быть может, он не выглядит удало,
Сидит в сторонке, струны теребя…
Но он из тех, кто, не боясь обвала,
Огонь умеет вызвать на себя.

Оторопь

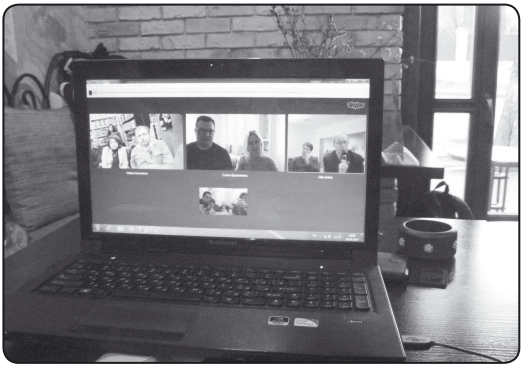
За горизонт скользит светило,
Представ полоской золотящейся,
И краски медленно сгустило
Над кромкою Земли крутящейся.

А мы парим на крыльях боинга
Высоко в небе вечереющем,
И связи мне совсем не боязно
Рвать с человечеством звереющим,

Где признан только окрик сильного,
И никаких нет прав у слабого.
Прошла пора пера гусиного,
И время даже не «гулагово»...

И от периода застойного
У нас одни воспоминания
Чего-то милого, застольного,
Что здесь — за гранью понимания.

Так солнце, ласково скользнувшее,
Сошло за выпуклость извечную,
А следом жизнь ушла в минувшее,
Оставив оторопь сердечную.



На шестом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Беларусью (Витебск), Грецией

Касьянов Сергей

(Москва, Россия)

Родился в 1957 году в городе Николаеве (Украина). В числе предков Сергея Касьянова с одной стороны — поставщица Двора Ея Императорского Величества и один из первых казнённых народовольцев, с другой — сибирские крестьяне, истинные кержаки. С 1977 году живёт в Москве. Работал сварщиком, инженером теплостанции, был сотрудником ряда центральных издательств. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1990 году, семинар Евгения Винокурова. Член Союза писателей Москвы с 1992 года, автор поэтических книг: «Трава на железном лугу», «Parus Major Minor», «Любовная лирика», «Рай для долгожданных», «Холмы Дантеграда». Лауреат первой премии «Поэт года» в номинации «Лирика» за 2015 год, автор многочисленных публикаций — как российских, так и зарубежных.

Апокалипсис Рождества

Ангел боли летит над моей обесточенной родиной, —
Над погибшей, осипшей, погрязшей в голодной золе,
Задевая хребтом золотые власы Богородицы,
Что крестом распластались и светят всему на земле.
Но уже не унять прокалённые хляби подземные,
И синюшное солнце ползёт в распростёртый рассвет,
Надрезая победу добра, словно вену яремную
И колосья великой войны там, где нас уже нет.
Так поплачь, поскорби, пособи и утешь, Богоравная,
Накорми эту хворость сырою своей правотой,
И вселенской пылинки суровая радость державная
Ощетинится голью парадною в бронзовый строй.
Но над жухлой равниной все тайны бездарно просрочены,
Заплетается ветер в косицы тускнеющих слов.
...И спускается аггел* в растраченный и раскуроченный
Мир багровых даров, и туманных ослов, и волхвов.

* **Аггел** (устар. церк.) — злой дух, слуга Сатаны.

Каменный ветер

Осталось от Блока пустое тряпьё —
И ветхости мягкая рана
Уже расползлась, и по кромке её
Безгубо сочилась нирвана.

...Он сам перевёлся в иной лазарет,
От слабости плавая в стыни, —
Но синею спичкой глухой кабинет
Горел в петроградской твердыне.

И лишь одеяло дышало во мгле,
И вата его клочковато
Всё билась, клубилась по вешней земле,
Как поезд дымясь виновато, —

Как поезд, в котором он плыл от друзей
В Эдем свой лазурно-багровый,
Где голой скрижалью грозил Моисей —
Пророчьей железной обновой.

Бельё разорвали на тысячи роб,
На тысячи нар одеяло
Свезли,
        распластали,
                и вшивый сугроб,
Набив себе брюхо, умыл его лоб,
Громоздкий и вялый.

В петропольской гнили он бредил
                вдали
От топота мюнхенских кружек —
И волосы всех Незнакомок цвели
Сквозь ткань безымянных подушек.

И поезд уже завернул, дребезжа,
В тупик, где шинели и крики,
Где Алая Роза — колымская ржа
И ягоды костяники.

Мой век напоследок ему подвывал,
Тянулись за ним в голубиный провал
Глупцы, подлецы и скитальцы…

…А я одеялом его укрывал,
И каменный ветер мне плоть продувал.

И вата налипла на пальцы.

***

Я тебя дожидался и слепо скучал…
Дождик лил — я молчал.
Снег дышал — я молчал.
Но теперь, услыхав долгожданную весть.
Закричу что есть духу:
«Я рад, что ты есть!»

И когда, вся в дрожанье нездешних морей,
С электрички сбежишь: чтоб быстрей, чтоб родней,
Я увижу, как пальмы склоняются в ряд
И о чём-то с тобой невзначай говорят.

И уже не бежит между нами волна,
И луна — то красна, то полна, то вольна,
Заставляет поверить, что жизнь не прошла,
И ещё не сомкнулась безлесная мгла.

Всё, что в мире твоё — это шелест ветвей,
Всё, что стало моим — это жук-скарабей:
Он предвидел для нас золотую печаль
И глаза, устремлённые вместе и вдаль.

Начинается жизнь — как сухое бельё
Надевается милым на тело твоё,
И вливается в проседи голубизна,
И белёсое небо блистает без дна…

***

Осталось немногим меня удивить —
И жизнь пересилит идущий.
Вот поезда жёлтая куцая нить
Пылит, разрезая удушье.

Здесь шустрые тени, шуршанье и гам,
Усталость привычная гложет.
Разруха-ребёнок ползёт по ногам,
Пуржит и улечься не может.

В последнем метро — захудалом рабе,
Где ветошь — награда калекам,
Трубач беззаконный кричит на трубе
О том, что прощается с веком.

О том, что уже не вернёмся назад
В тот рай, теплоглазый и мутный,
О том, что труба его — автомат,
Салютный, воздетый, минутный.

Отныне светла его медная спесь,
И смерть его нежная зрима:
Он сядет в троллейбус какой ни на есть —
Исчадье неронова Рима.

«Прощанье славянки» закажет дурдом,
Костёр и мигалки косые…
Горящие окна с закатным трудом —
Трубой выбивает Россия.

Стихи, написанные в октябре

За что горишь, крестовая тревога?
За жухлый бор и рыжую луну,
Что выбралась, кругла и кроволица,
В капустные поля Армагеддона.
...Тогда, давясь простуженною водкой,
Я плакал и молил: «Спаси Россию»
Пустые небеса после аборта,
Где звёзд переболевшие ошмётки
Спускали скальпели сквозь грязные бинты.
Всё это сантименты...
Пулей в печень
Подранили потёртого святого
В бумажной церкви Господа.
А рядом:
«Я пятерых убил. Хотел же — больше», —
Серьёзный и двуглазый написал.

...За что горишь, берёзовая дрожь,
Исчерканная краской золотою,
Шуршаньем вертопраха-октября, —
Полынь волос твоих?
Я верю, верю,
Что это напоследок нам причастье
Греховной жалости, мурашного уродца
Оглохших дней и счастья, и войны.
Всё это сантименты...
Только, знаешь —
Кусочек стаял. Если это горе, —
То створ груди ещё не коченел.

Нет, мы с тобой в серебряной машине
Уедем в никогда, и если зубы
Нам выбьет долгожданная эпоха,
То будет даже проще целоваться,
Прикусывая страшный наш язык,
Где слова нету ласковей, чем «сволочь»...

Спаси отчизну, смерть мою спаси.

***

Как чёлн во мгле, как тучи в проводах,
Сквозь лунный скрип услады и разбоя
Меня качал несокрушимый страх —
Страх несоединения с тобою.

И нависая горсткою тепла,
Я чёрной мухе рваться к белым мухам
Не позволял, не отворял стекла
И к декабриной пагубе на угол
Не выходил, истраченный виной,
До седины —
                но выжег и стреножил…
И каждый час, что прожил я с тобой,
Я словно и не прожил.

Да, и корням, и ветру не собрат,
И птице в кроне…
Неужто горький твой, свирепый виноград
Мне не по крови?

Не сжать в руке дырявый талисман
Как ржи полоску —
С раздавленною гроздью — ржав карман,
И мешковат, и не по росту…

Ну что с тобой, дружок, какие холода?
Лишь слизь и пена.
Когда катилась в небо подлая вода —
Ты первой пела.

Займи у страсти клок или паршу, —
Хоть прах отваги.
По соли щёк я это напишу —
Не по бумаге.

Как жизнь плетёт смертельное рядно! —
Вино ещё не смято…
И снег пьянит, и Рождество пьяно
И снова свято.

***

— Всё моё прошлое умерло
И не вернётся сюда…
Сядешь, испуганно-умная,
Сонная, словно беда.

Стали такими нестрашными
Ветер, и боль, и песок.
Тихо ладонями влажными
Вправлю я в прядь волосок.

Так бы молчать нам и стариться,
Слушая вздохи сверчка…
Словно зелёные старицы —
Два безутешных зрачка.

Женщины, вскрики, бессонницы —
Всё далеко позади,
Лишь твоя нежность бесовская
Прячет лицо на груди.

Долго темнеет на улице
В горькой и дикой земле.
Будем шептать и сутулиться,
В палевой плавая мгле.

Больше никто не позарится
На разорённый уют…
Завтра дрожащее зарево
Бедные капли прольют.

Белые гости последние
Нас безунывно простят
Там, где столетние, летние,
Светлые ветви шумят.

Колганов Леонид

(Тель-Авив, Израиль)

Леонид Колганов — поэт, прозаик, эссеист, общественный деятель, родился в Москве. Лауреат VI Московского совещания молодых писателей, был принят в Комитет литераторов Москвы. 1991 — рекомендован Андреем Вознесенским на стипендию Фонда культуры. С 1992 — гражданин Израиля. С 2005 — почётный гражданин Кирьят-Гата. В 2013 — Лауреат премии имени Анны Ахматовой, в 2015 — лауреат премии имени Давида Самойлова Союза русскоязычных писателей Израиля. Руководитель литературных объединений «Поэтический театр Кирьят-Гата», «Негев» в Беэр-Шеве и совместно с Валентиной Бендерской Всеизраильского поэтического клуба «ПоВтор» в Тель-Авиве. Составитель Международного поэтического альманаха «Свиток 34». В 2017 удостоен медали «Русская Звезда» имени Федора Тютчева за весомый вклад в литературу. Стихи публиковались в «Московском комсомольце», «Литературной учёбе», «Истоках», «Смене», альманахе «Поэзия», в «Дне Поэзии — 1989», «Собеседнике», а также во всех 10 выпусках Всероссийского ежегодника «День поэзии», в «Санкт-Петербургском Дне Поэзии — 2007», «Тёплом стане», в трёх антологиях серии «Стихия», в журналах «Алеф», «22», «Юг», «Галилея», «У», «Роза Ветров», «Литературный Иерусалим», в газетах «Вести», «Новости недели», «24-часа», в антологиях — «Антологии поэзии. Израиль 2005», «120 поэтов», «Русское Зарубежье», «Год поэзии» и многих других... Автор десяти книг поэзии и прозы: «Осеннее очищение», «Бесснежные метели», «Пламя суховея», «Слепой рукав», «Средь белого ханства», «Вьюга на песке», «Легенда о Водяном столбе», «Океан окаянства», «Беспутный путь», «Выкрутасы эйдоса» в соавторстве с Валентиной Бендерской.

Пора листопада

Отлетают осенние листья
От меня, словно души друзей,
И пора листопадная лисья
Кру́жит их средь раздетых полей!
Древо дружбы, наверно, засохло.
Его корни сгорели живьём,
И стоит оно сиро и голо,
Пара листьев трепещет на нём!
И не много осталось до хлада
Среди стылых дерев и полей,
И уносит пора листопада
Злато листьев, как души друзей!
Отлетать им уже не впервые,
Листопад кру́жит рыжей лисой,
И летят, как рубли золотые,
Листья дружбы на Вечный Покой!
Больше нет молодых и зелёных,
Нас шатает в метелях седых,
И летит стая листьев спалённых,
Словно пепел всех дружб золотых!

Твоя жилка

У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался.

Ф. Достоевский

Валентине Бендерской

Кружили в танце ты и я —
Мы были в ожиданьи,
И жилка каждая твоя
Манила обещаньем!
И — извиваясь, как река
Во всех своих изгибах,
К себе манила рыбака,
Словно Царица-Рыба!
Но ты от моего огня
В том танце уходила.
Вот так, старателя маня,
В песок уходит жила!
Твоя была не у виска —
Прошла вдоль тела сразу,
И я за ней шёл средь песка,
Как Митя Карамазов —
Тот, что в другую жилу влип
С неистовую силой
И был за Грушенькин изгиб
Готов продать Россию!
Я всё разрушил второпях,
Рванув судьбы уди́ло,
И плачу, потеряв тебя,
Как золотую жилу!
На золото не падок я,
Нет до него мне дела…
Мне жилка лишь нужна твоя,
Та, — что прошла вдоль тела!

Пьяный листопад

Валентине Бендерской

Тень самолёта, как гигантской птицы,
Иль птицеящера? Попробуй, разберись?
Когда любви заволокло зарницы,
И мы с небес упали оба в низь!
Я знаю дату точную прилёта,
Но не могу никак предугадать:
Ждать твоего в лазури самолёта,
А на земле его совсем не ждать?
И хочется начать мне всё по новой,
Уйти опять, где чисто и светло,
Пока в душе не стёрлись, как обновы,
Твои следы! Пока не замело!
В твоей душе покрыло всё — забвенье,
В моей, как листопадная пора,
Кружило листьев огненных паренье,
Как искры в рдяном трепете костра!
Костёр погас, но угли всё мерцают,
И этому я бесконечно рад,
И кажется, — я падаю, взлетая,
К твоим ногам, как пьяный листопад!
Унижен иль возвышен — мне едино,
Пока в мерцаньи снова не сошлись,
Я перепутал времени картины,
И опускаюсь в низь, как будто в высь!

На дне последнего стакана

«Я вся твоя», — ты мне сказала
И улетучилась как дым.
И у прозрачного вокзала
Стою, чтоб стать навек твоим!
Но — не в глубинах Океана,
Не у вокзала! Не сейчас!
На дне последнего стакана
Тебя увижу в смертный час!
На дне последнего стакана —
Оно бездонно — это дно,
И глубже глуби Океана,
И — на двоих оно дано!

Услышу снова смех хрустальный,
Меня везде достанет он,
И это будет погребальный —
По мне твой поминальный звон!
На этом Свете слишком тускло,
На том — нам будет веселей,
И станешь ты русалкой русской
В груди моей, в душе моей!
И глубь последнего стакана
Мгновенно нас возьмёт на дно…
И будет там всё без обмана,
Ведь на двоих оно дано!

Кровь войны

Нефть — это кровь войны.
Известное выражение

Валентине Бендерской

Когда я от тебя уехал
И гнал в ночи́ своих гнедых,
То плечи гор тряслись от смеха,
Как плечи викингов седых!
Смеялись горы, словно люди,
Над грудой наших пустяков,
Но вяли, будто женщин груди,
Тьмы мной подаренных цветов!
И друг от друга мы бежали,
Устав от пустяковых ссор,
И тени у́стали лежали,
Как тучи под глазами гор!
И был разрыв двойной
непрочен,
И отступило в сумрак зло,

И солнце из объятий ночи
Над нами заново взошло!
И среди этой круговерти
Несли в жемчужной нас крови́
Не тёмные потоки нефти, —
Потоки горные любви!
Несли потоков горных гривы,
Словно расхристанные львы!
Мы миновали все обрывы,
Скатившись с львиной головы!
Несли потоки нас земные,
Сходились мы, как две волны,
И отступали нефтяные
Потоки — крови и войны!

Сквозь тьму

Валентине Бендерской

С возрастом моё слабеет зренье,
Пред глазами кружатся слепни́,
Но молю: «Вернись хоть на мгновенье
И опять красою ослепи!»
Ничего вблизи уже не вижу,
Но твою предвижу красоту,
Словно к смерти, к ней всё ближе, ближе,
Ей сто жизней мёртвых предпочту!
Как лунатик по неверной крыше,
Будто камикадзе, в даль идёт!
Я на голос твой, что вечно слышен,
Вновь иду, как старый идиот!
Как слепой подземный прорицатель,
Лишь тебя провижу в темноте
И иду, мгновенно прозревая,
Я — к тебе, забыв о слепоте!
И — закончив битвы все друг с другом,
Оба проиграли мы войну,
Но твоим вновь окружённый кругом,
Снова вижу лишь тебя одну!
И валюсь, поверженный громами,
Словно острой скошенный косой,
Не седыми ослеплён годами,
А твоей пронзительной красой!

Царица и плющ

Сошлись вы на одной тропе,
Что у́же узких улиц…
Чьи руки — сами по себе —
Вокруг тебя сомкнулись?
Незримым кто тебя плющом
Обвил в вечерней мгле?..
И царственным твоим плащом
Он не прижат к земле?
И век свободы не видать
Царице величальной,
Ведь ты свободна горевать
Лишь в одинокой спальне!

И ты, страдая и любя,
Вязала жизнь на пяльцах…
И тихо гладили тебя
Его слепые пальцы!
Вязала жизнь свою, как вязь,
Причудливым узором,
Но он, — вокруг тебя виясь,
Не выгнан был с позором!
Когда была ты на краю
В своём предсмертном платье,
Он власть твою и жизнь твою
Ещё сжимал в объятьях!

Свобода без тебя

Валентине Бендерской

Как разорвавший путы кречет,
Я вырвался из всех силков,
И без тебя на этом Свете
Кружу один средь облаков!
И — разорвав железный пояс,
Свою Свободу торопя,
Я на другой прорвался полюс,
Где даже близко нет тебя!
И — позабыв про всё на Свете,
И — от тебя уйдя в Астрал,
Как распоясавшийся ветер,
Я — на свободе бушевал!
Но буйному подобно вепрю,
С пути сметая егерей,
Я разметал её по ветру!
Что без тебя мне делать с ней?

Корж
ОЛЕНА

(Житомир, Украина)

Олена Корж народилася в селі Привільне на Донеччині, радіожурналіст. Пішла до школи в Київській області, закінчила десятирічку в Житомирській. За освітою агроном з кормовиробництва (Білорусь) та вчителька української мови і літератури та зарубіжної літератури (Житомирський державний університет імені Івана Франка, Україна). Почала друкуватись у Овруцькій районці «Зоря». В парі з житомирянкою Тетяною Яковенко видала три книжечки для дітвори: «Мурказку», «Віршики з «начинкою» (в тім ліку в ролі художника-оформлювача) та І частину «Оповідок Чарівного Дзеркала». В професійному полі — «Журналіст року» в масштабах області, неодноразова учасниця і лауреатка обласних, всеукраїнських та міжнародних конкурсів телерадіопрограм. В професійних змаганнях перемагала і як журналіст, і як звукорежисер.

В дорозі

Хрести бетонні електроопор
Обліплені сталевим павутинням,
Цим носієм інформаційних спор…
Що проросте із їхнього насіння?

Я хочу, аби радість і любов,
Надія, віра, до добра стремління…
Хрести бетонні електроопор
Хай будуть символами воскресіння.

Пливуть у безвість пасмища дротів,
Несуть і добрі, і недобрі вісті…
Лише хрести бетонні вздовж шляхів
Сторожею незрушною на місці.

***

Я — Роксолана. Схожа до зела,
У землю втоптана — я проростаю знов…
Та я не та, котора віддала
свою свободу в обмін на любов.

Я — полину безсмертного сестра,
гірка і пряна, як весняний степ,
м'яка-цілюща і підступна-зла,
гарт радощів пройшла і гарт халеп…

Та вижила… та встояла… й цвіту
простим і непримітним оку цвітом.
Я — шлях в майбутнє — з пам'яті росту.
Я — Роксолана — володію світом!

***

Розпустила хмара сиві коси
Пасмами осіннього дощу…
Просто плаче, а чи літа просить:
«Не відходь, — мовляв, — не відпущу.

Не лишай мене саму з туманом,
Ще хоч тиждень-два побудь, мій світе!..»
Утішало літо осінь-панну
Пишноцвіттям бабиного літа.

Метафора

Із довгих вій зірвалася перлина…
Та, поки до землі вона летіла, —
Вловила сонячного променя веселку
І диво сталося:
Гірка перлина смутку
Перетворилася на щастя діамант.

Осінь

Осінь прийшла раптово,
Серпня зрадлива коханка.
Обіцяла: «Коштовну обнову
Тобі вишию, любий, до ранку».

Вранці глянув і зойкнув Серпень.
Де ж смарагди?! Салатним, червоним,
Золотим і брунатним, і жовтим
Поцятковані листя долоні…

«Мила Осене, де ти? Чи чуєш?!
Ти ж казала обнову гаптуєш,
А сама?.. Чом псуєш мої шати?..»

Та не чула вже Серпня Осінь.
Вплівши «бабине літо» в коси,
Вона Зиму пішла стрічати.

Щасливий край

В'юнка стежина між пожовклих трав,
Листок зів'ялий у чужому сліді,
Застигла тиша в мороці заплав…
І плаче пам'ять чайкою у літі…
Цю синь небес, ці вицвілі поля,
Любив ти навіть зграї гайвороння…
В світи незнані повела зоря
І тільки слід лишився на осонні,
Самотній слід від отчого гнізда
У далечінь спрямований незриму…
Пісок засипав, вимила вода,
Заплівся з часом зіллям-бадилинням…
Спливли роки.
Нема твоїх батьків.
Хтось, а не ти, їх клав у домовину.
Стоїть самотньо на межі віків
Напризволяще кинута хатина.
Ти в щасті був і в розпачі гіркім,
Всього пізнав, мандруючи світами.

Лише на схилі літ у отчий дім
Ти повернувся, стомлений шляхами.
І ось стоїш — самотній і старий,
Серед руїн і сам немов руїна.
Псом лащиться до ніг твоїх пирій,
І сльози каяття течуть невпинно.
Оце ж бо й є той край, що ти шукав
За тридев'ять земель, в чужому світі…
В'юнка стежина між пожовклих трав,
Листок зів'ялий у… твоєму сліді.

***

Дерева, як люди,
Щоосені тихо сивіють:
Вплітається золото
Пасмами в зелені крон.
Хоча, на відміну від нас,
Не втрачають надії,
Їм юність щоразу
Вертає весняний озон.

Багрянець і злото
Минущі в житті деревинім.
Та заздрості жало
Хай серце й моє омине.
Усяк невмирущий,
Хто світу дарує дитину,
І усмішка сина
Продовжує в світі мене.

Блудному сину

Нема пророків у своїй землі.
Коли ж і є — ніхто не йме їм віри.
Нема між зір яснішої зорі
Ніж та, що каже путь птахам у вирій.
Летять за нею не лише птахи,
Ідуть сини від отчого порогу.
Як щастя дар, чи кара за гріхи —
Тремтливе світло кличе у дорогу.
Прийде прозріння… Аж через роки
Підкажуть ностальгія, серця втома,
Що є пророки у своїй землі,
І з вирію птахи летять додому.

***

Після трудного дня,
безкінечного вечора сірого
Порятунком жаданим
з небес опускається ніч
І дарує надію,
в яку непохитно я вірую,
Що впізнаю обличчя твоє
серед тисяч облич.

Бо щоночі вві сні,
почуття мої смутно бентежачи,
Ти приходиш в мій дім
по одній з міріадів стежок
І приносиш мені,
у долоні кладеш обережно так
Цвіт вогненний, ясну
квітку папороть з давніх казок.

***

Хай від хмар небесний дах
провисне —
Ти у цьому не вбачай сумного.
Хочеш, подарую тобі пісню
Першого потічка весняного?
Березневі вечори бузкові
Я для тебе в срібло розцяцькую,

В першоцвітів пуп'янки шовкові,
В кульки брості… Хочеш, подарую
Зеленаве мрево понад гаєм —
Матінки-землі фату весільну?
Подарую все, що забажаєш,
Бо любов, повір мені,
всесильна.

***

Вікно із березня відчинене у зиму…
А там — лапатий сніг. Летить згори,
Тче білу казку, дивовижно зриму,
Зимову… Та весняної ж пори?!
Навіщо сніг? Нежданий і незваний
Цей посланець полярних узбереж.
А тут вже крокуси і виткнулись тюльпани…
Геть, зимо, геть, спокою не бентеж.
Твій сніг розтане й не загинуть квіти,
Бо в них — любов, найкращий оберіг.
Так хочеться узяти й зачинити
Вікно, із березня відчинене у сніг.

Котлярский Марк

(Тель-Авив, Израиль)

Советский, израильский писатель, драматург и публицист. Родился в Баку в 1956 году. Окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета, работал в газетах «Каучук», «Коммунист Сумгаита», публиковался с многочисленными заметками и репортажами в газетах «Бакинский рабочий», «Вышка», «Молодёжь Азербайджана». В 1983 году переехал в Ленинград, работал репортёром в газете «Моряк Балтики», сотрудничал с различными региональными и всесоюзными изданиями, публиковался в журнале «Нева» и литературных альманахах. В 1990 году репатриировался вместе с семьёй в Израиль. Работал репортёром ряда израильских русскоязычных СМИ, в том числе ведущим репортёром газеты «Вести». С 2003 по 2013 год работал в качестве пресс-секретаря партии «Наш дом Израиль». В 2000 году вместе с израильским коллегой Петром Люкимсоном выпустил исторический триллер «Ангелы в поисках рая», в 2005 году в Санкт-Петербурге была издана другая их книга «Евреи и секс» (в 2008 году была издана изменённая версия этой книги — «Тайны еврейского секса»). В 2006 году в Тель-Авиве вышла книга публицистики «Жизнь занимательных людей». В 2008 году (вместе с журналистом Александром Майстровым) опубликовал документальное исследование «Еврейская Атлантида: тайна потерянных колен», а также была издана книга прозы «Волчьи ворота» («Алетейя», Санкт-Петербург). В 2009 году эта книга попала в лонг-лист Бунинской премии. В 2011 вышла книга «Тихий Дон Жуан» — психологический практикум, 2012 — книга прозы и эссе «Непрерывность текста», в 2013 — «Путеводная пыль», в Финляндии в переводе на финский язык вышла книга «Еврейская Атлантида: тайна потерянных колен». Марк Котлярский — автор десяти пьес, часть из которых («Рика и тени», «Блюз уходящего дня», «Женщина Света») была поставлена в Израиле и в России. Удостоен премии имени Юрия Нагибина (2017) Союза русскоязычных писателей Израиля.

Мы только...

Мы только знакомы...
Из старинного романса

Шепни мне, не боле:
«Мы только знакомы»,
Мы мечены знаком
Знакомства, как меты,
Когда очертанья теряют предметы,
Когда с головою, как в прошлое —
В омут.
Предметом моей неожиданной страсти
Вы были когда-то...
А ныне —
А ныне
Поруганы — напрочь, небрежно —
Святыни,
Не страсти — страстишки
Холодные волны,
Распались
Давно уже
Ржавые
Звенья.
И только летят
Над ненужной планетой
Снежинки утраты,
Снежинки забвенья.
Ах, кто эта женщина?
Чувствую: комом
Мне горечь замкнула
Свирепое горло.
Какая-то странность
В лице незнакомом,
Какой-то испуг, —
Словно видеться — рано, —
Мелькнёт и исчезнет.
Как странно,
Как странно...

Послесловие к эпиграфу

Нельзя мечту хватать руками...
М. Цветаева

...Как ты схватила мечту руками,
Как разорвала её на части!
Что же ты бродишь теперь неприкаянно,
Словно лишённая сна и причастия?

Ты — безучастна и непричастна,
Ты — отраженье собственной тени.
Как же ты счастлива тем, что несчастна —
Столь притягательна радость падения!

Я тебя отпускаю...

Я тебя отпускаю. Ступай восвояси.
Обернуться не смей. Улыбнуться не смей.
Вижу я, волос твой белокурый свалялся,
Свился, словно клубок нерасцепленных змей.

Ты реальность? Проклятье? Медуза Горгона?
Что таит твой убогий, но ангельский взор?
Я нарушил все правила брачного гона
И навлек на себя небывалый позор.

Я тебя отпускаю. Ступай, недотрога,
Ненароком коснувшись горячего лба.
С неба падает пламя, —
Привет от Сварога! —
И не дышат ни почва, ни жизнь, ни судьба...

Чей это голос?

Чей это голос
лился с небес,
звучал, как чистая медь?
Он говорил: «Послушай меня,
хватит ломать камедь!»
Он говорил: «Слышишь ли ты
литые слова беды?
Я обрушу на землю, поверь,
бездну большой воды.
Но перед этим
ваш слух взорвёт
тяжкий, несносный топ:
это дьяволы возвестят
про Всемирный потоп.

А ты о чувствах
своих поёшь,
ты — словно птица глухарь.
Ты думаешь, это райский сад? —
сад венценосных харь!
А та, кому ты
песни слагал,
она, как лёд, холодна,
ей всё равно, несчастна она,
как обитатель дна...»
Чей это голос
лился с небес,
гнал застарелую кровь?
Ангел ли выдумал или бес —
Ненависть и любовь?!

Амстердам
(из старых стихов, найденных в папке, которую я считал потерянной)

О тихий Амстердам
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь — не там,
Зачем уйти не волен…
К. Бальмонт

Никогда я не был в Амстердаме
И не слышал звон колоколов.
Отчего же нынче вечерами,
Словно сердце напрочь расколов,
Словно разум бередя созвучьем, —
В этом есть особенный резон?! —
Медленно, пронзительно, тягуче
В комнату мою вплывает звон?!
Словно небо снегом засыпая,
Повисает, каплею дрожа.
Засыпаю; слышу, засыпая,
Говор амстердамских горожан,
И я вижу зданий переплёты,
Словно корешки старинных книг,
И мостов стремительных пролёты,
Улицы короткие, как крик,
Проплывают, медленно качаясь,
Словно баржи с грузом по реке.
Это — пьеса без конца и края
На чужом голландском языке.
Что язык? Дрожит, не умолкая,
Звон печальный в комнате моей.
Он пришёл не из родного края
И привёл неведомых людей.
Просто я устал от суматохи,
От смешной нелепой суеты,
Ведь просить пощады у эпохи
Так же трудно, как и доброты.
Никогда я не был в Амстердаме, —
В этом нет особого греха.
Просто я наткнулся в книжном хламе
На строку из старого стиха…

Простите меня...

Простите меня —
я простил.
Жалейте меня —
я жалел.
Одним движеньем
простым
я спасся и уцелел.
Всего лишь
движенье руки,
всего лишь
движенье земли.
И сроки, что так коротки,
растягиваются.
Внемли
беседе небесных тел
(«звезда с звездой говорит...»).
Я спасся и уцелел,
не умер
и не убит.
Но следом за мной,
как тать,
крадутся тени убийц.
Попробуй их сосчитать,
бесплотных, лишённых лиц.
Простите их —
я простил.
Жалейте их —
я жалел.

Несколько строчек

Облатка розовая сохнет
На воспалённом языке...

А. Пушкин

... А та, что была мне когда-то женой,
Отводит свой взгляд равнодушный и злой
И речь прекращает.
А в небе, как пыль, разнесло облака;
Облатку бездумно сжимает рука,
И мнёт, и бросает.
И скомканный лист за облаткой плывёт,
И падает вниз, как подстреленный влёт
Бумажный комочек.
Там строчки, которые я посвятил
Той женщине прежней, что знал и любил,
Лишь несколько строчек.

Кофман Алёна

(Атланта, США)

Детство и юность Алёны Кофман прошли в Баку, в 1992 эмигрировала в США. Окончила Университет штата Джорджия, получила степень бакалавра по специальности компьютерные науки и математика, степень магистра — компьютерные информационные системы. Работает программистом. Стихи пишет с 10 лет. Организатор и руководитель литературной студии «Краски жизни», ведущая рубрики «Литературная студия» в русскоязычном журнале «Sova» (Атланта, США). Ведущая радиопрограммы «О чём сегодня шепчут музы» на радио «Вместе» (Прага, Чехия). Автор поэтического сборника «Взрослая любовь» (2017). Член Международной ассоциации писателей и публицистов. Публикуется в международных литературных альманахах и периодических изданиях Америки и Европы.

Осень

Деревья сбрасывают платья, небо плачет.
Опавших листьев конфетти летит по свету.
За тучи солнце лик свой ясный прячет,
И, к сожаленью, не продлится бабье лето.

Пленяет осень красотой ожившей сказки.
Бродяга-ветер три аккорда подбирает.
В палитрах луж слились Земли и неба краски.
Клин перелётных птиц за облаками тает.

Природа — зеркало. В ней отраженье света,
Любви немереной и Божьей благодати.
Приходит вдохновение к поэту,
Когда он в нежных осени объятьях!

Там — у Стены Плача

Там — у Стены Плача
Молча стоят люди.
В такт с молитвой качаясь,
Молят они о чуде,

Чтобы потомки Израиля
Мир обрели и покой,
Чтобы от всех страданий
Господь их укрыл рукой.

Там — у Стены Плача
Нет смеха и нет веселья,
Молятся люди молча
За наших душ спасенье.

Сплетни

«А ты слышал, ты слышал, ты слышал,
Кто женился? И знаешь на ком?
Там, похоже, «поехала крыша»,
Надо быть ну совсем дураком».

«А ты знаешь, ты знаешь, ты знаешь,
Кто развёлся? Уже не впервой!
Изменял он жене, понимаешь? —
Говорят, то с одной, то с другой».

«А ты видела, видела, видела,
Что на вечер надела она?
Да, не бедно живут они, видимо…
Он — старик, а она — молода».

И летают, и вьются, и кружатся
Стаи чёрного воронья…
Ну зачем, люди, вяжите кружева
Сплетен, зависти, зла, и вранья?

Давай увидимся во сне

Давай увидимся во сне.
Ты мне приснишься, я — тебе…
Там будет свет и теплота,
Вкус поцелуя на устах.

Сплетенье рук… Мир на двоих:
Полёт души, блеск глаз твоих,
И шум волны, и облака…
И счастье будет! И тоска…

Давай увидимся во сне.
Я тихо подойду к тебе,
И ты обнимешь не спеша,
А я замру, боясь дышать.

На девятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Америкой (Атланта)

Маркова Екатерина-Августа

(Москва, Россия)

Екатерина-Августа Маркова родилась в Москве. С ранних лет начала писать стихи, потрясённая судьбами дедушки и бабушки — Германа и Людмилы Сегал… Дед пытался останавливать расстрельные списки, за что его поставили к стенке в 40 лет, бабушка не отрекалась от мужа и провела 12 лет в Карагандинском лагере… Екатерина-Августа окончила Литературный институт имени А. М. Горького в 1976 году. Работала на заводе имени Лихачёва, в издательстве, сотрудничала в газетах и журналах. Никогда не вступала ни в комсомол, ни в партию. Участвовала в подпольном журнале «Вече». Автор книги о Цветаевой, многих статей о поэтах Золотого и Серебряного веков, переводчик Гарсиа Маркеса. Живёт в Москве и в Абхазии…

Ремесло

Ёлочка с берёзой переплетена́,
К бересте смолою липнет,
По тропинке я иду одна,
Говорят, начнутся скоро ливни,

Что мне ливни после скорбных дат,
На кануне вечном, на помине,
Вот мужик идёт с утра поддат
По недавно скошенной равнине.

Скоро звёзды над землёй повиснут,
При луне в селе почти светло,
С неопознанной, старинной мыслью
За опасное засяду ремесло…

Самокат

Я от себя умчусь на самокате
в вечернем платье —
вот будет зрелище —
и не догонишь ты меня,
но хоть согреешься,

в карманах мелочью звеня,
пить бормотуху нелегко,
чай не «Вдова Клико».

Соломенной вдовой,
солёною водой, развенчанной,
ничейной женщиной
я поплыву, мне в общей песне —
невзрачно, неуютно, тесно.

Рыбалка на Чёртовом болоте

Безбожники осточертели,
спешащие к небытию,
ты шёл с удою по ручью
под плач несмелый коростели…

Почти летел над зарослью речной
в своей кирзе, прекрасно-порыжелой,
и в лодку с смоляным бочком,
с уключиною проржавелой
вставлял скрипучее весло.

То был прекрасный, рыбный вечер,
по Чёртову тебя несло
болоту созерцанию навстречу,
рождались звуки несказанных строк,
как будто бы по щучьему веленью,

и далеко был тот последний срок,
последнее твоё преображенье…

Грехи

И грехи свои, будто гири,
Понесу поутру к Литургии,
На рассвете июньском, туманном,
Нищий слёзно мне путь осиянный
Ржавым пальцем беззубо укажет
И такое поспешно расскажет,
Что дрожать будет долго осина
Над сединами блудного сына…

Здесь

ангелы крылатые
вечность стерегут,
в рубище залатанном
здесь пасёт стада
горе не беда
и не знает кнут.
тут овечка малая
с коршуном на ты,
и несётся алая
птаха с высоты,
так привычно чудо
в скулах лысых скал,
Магомед и Будда
слушают Христа,

ветер нежной ланью
сторожит окрест —
мхом поросший камень,
глубину небес.

Куда?

Пускай в моих стихах не ищут те,
кто точен и порядочно-безгрешен,
пишу для тех, кто прозябает в нищете,
для тех, кто звуком может быть утешен,
кто по утру на скользкую дорожку
ступает в нищенских дворовых прохорях,
и для кого такая роскошь
сухая, не дождливая заря…

Они мои читатели до смерти,
скорее слушатели в зябком бытие,
я каждого из них, поверьте,
оплакала на вязкой колее
моей нехоженой, нетореной дороги,
той, по которой разночинцев дроги
неслись под звон святой Руси,
куда? Не довелось спросить…

Мартыненко Виктор

(Бердичев, Украина)

Родом из Донбасса, из города Макеевки. В детстве жил в двухстах метрах от террикона, с его высоты подчас пробовал увидеть иной мир через призму детских стихов. Окончил филологический факультет Черновицкого национального университета. Считает, что город Черновцы был совсем иной цивилизацией. Писал стихи, прозу, увлекался кинодраматургией… Пытался печататься, но как он считает, не вписывался. Было несколько публикаций, о которых уже забыл. Учительствовал, преподавал русский язык и литературу. Более тридцати лет работает директором школы в Бердичеве, в котором живёт с 1977 года. Написал более двух тысяч стихотворений, из них около пятисот украинских. Опубликовал два небольших сборника: «Разрывы памяти» и «Остановка во времени». Вышла из печати большая книга «Времена жизни».

Молитва

Узри меня, Господь, на сцене бытия.
Я маленькую роль играю денно, нощно,
Гляжу в твои века, дыханье затая.
Уже который раз октябрь сжигает рощу.
Берёзовая грусть. В озябших небесах
Утиный караван трепещет сизокрыло.
Вновь осень развела пожар в твоих лесах
И наготу полей туманами укрыла.
Коснусь твоей реки печальною слезой,
Шепну: «Прости, Господь, я безнадёжно грешен.
Быть может, я пришёл в твой мир не той стезёй
И сыгранную роль нельзя назвать успешной».
Уже с седых небес срываются снега.
Стенают города клаксонами тревоги.
Печалится река в холодных берегах.
И странники бредут по утренней дороге.

Ситцевое воспоминание

Помнишь зарёванный день
в ситцевом том раю?
Всякую дребедень
с утра радиолы поют.

Вечер был очень мал,
точно осколок дня,
пол скрипучий трещал,
трещали всплески огня.

Улицы вкривь и вкось
лужились и брели,
взгляды касались вскользь
промокшей насквозь земли.

В серой эпохе той
радужной грязь была.
Речка встречалась с горой
на самом краю села.

Здесь на краю горы
раньше церквушка была,
люди несли дары
сюда со всего села,

горечь несли свою,
радость спешили принесть...
Здесь в забытом краю
с небом встречался крест.

Украинские ночи

Тиха, как смерть, украинская ночь.
Год тридцать третий — полночь лихолетья.
Нам этой горечи вовек не превозмочь,
Пока мы будем жить на этом свете.
Изрублен топором иконостас.
Безгласна опустевшая звонница.
Лишь ангелов кровавые зеницы
Взирают скорбно с купола на нас.
Вновь чёрной былью подступает ночь,
И зарево небес пылает ало.
И ангелы летят куда-то прочь.
«Тиха, как смерть...» — я вновь шепчу устало.
Горит в полнеба огненный закат,
И ангелы нам скорбный путь пророчат.
От демонов войны не спрятать взгляд.
Тихи, как смерть, украинские ночи.
Пылает вновь кровавая заря
Над горькими полынными степями,
Опять селенья мирные горят,
И ветры раздувают пламя.

***

Шопен. Задумчивое лето.
Шопен в улыбчивых цветах.
Раскачивает ветви ветер,
И вишни зреют на устах.
Шопен. Дождливая погода.
Шопен. Расстроенный рояль.
Несут беззвучно пешеходы
Невзгоды в утреннюю даль.
Полупрозрачный шёпот листьев.
Шопен. Осенний груз потерь.
Художник грусть напишет кистью,
Но только ты ему не верь.

Горечь

Послушай, упрекать меня не надо,
я не сумел принесть благую весть.
Пора нам перечесть гомериаду —
там столько горя, что вовек не счесть.
Там всё о нас, о наших днях проклятых:
вновь крови жаждут демоны войны.
И горе на плечах твоих покатых,
и горечи глаза твои полны.
Ты помнишь фразу о ладонях страха,
которую я записал в тетрадь:
над Гектором рыдает Андромаха,
и нам её рыданий не унять.
Я эту фразу повторял стократно,
забыть хотел, пытался, не сумел.
Вновь сёстры Андромахи в чёрных платах,
и лица их опять белы, как мел.

Созвездие Бродского

Есть созвездие Бродского
в этом небе кипящем.
Где-то там он непознанный,
с сигаретой дымящей
бродит звёздными тропами,
одинокий и мудрый.
Ночью дышит он строками,
исчезает под утро.
Он глазами печальными
отражается в реках.
Он стихами отчаянно
боль двадцатого века
так поведать нам хочет
в эту звёздную полночь...
На ночном небосклоне
звездопад его строчек.

***

Стихи писались в снегопад
Под завывание метели.
Слова ложились невпопад
И в пропасть снежную летели.

Под утро замерла метель,
Свернувшись у окна котёнком.
Взгрустнула срубленная ель,
Став новогодней ёлкой.

А во дворе куст снегирей
Краснел застенчиво и нежно.
Январь был снежным, очень снежным,
Снежнее прочих январей.

Бег по кругу

И, завершая бег по кругу,
ты скажешь: «Всё, последний круг».
Уронит кто-то взгляд с испугом,
но ничего не скажет вслух.
И убегут дома, растенья,
и взгляды убегут в закат,
застынет время на мгновенье,
вином прольётся виноград,
всплакнёт дождём в окне природа,
мелькнёт снежинка мотыльком…
По кругу бег сквозь годы, годы…
Бежалось весело, легко,
бежалось глупо быстротечно:
рассвет — закат, закат — рассвет.
Казалось время бесконечным
и вот его почти уж нет.

Новиков Игорь

(Житомир, Украина)

Игорь Новиков о себе: «Родился в 1964 году в Житомире. Учился в детском саду № 14, средней школе № 25, ДЮСШ № 1 (баскетбол), Житомирском строительном техникуме (архитектура), ВС СССР (пехота), Винницком государственном педагогическом университете (физическое воспитание). Сейчас учусь в ТО „Пантеон“ (вроде как актёр). Отличный семьянин, порочащих связей — огромное количество».

Красаве́ц

...И пусть Исав немного дефективен,
Пусть волосат и где-то краснорож,
Но мне он мил и вовсе не противен...
А. Воловик

Мой лучший друг немного краснорожий,
Кой-где мохнат, как старый павиан.
Пикантный запах век не мытой кожи
У статуй вышибает слёз фонтан.

Изысканной улыбкою дебила
Он испугает собственную мать,
И нет на свете лучшего мерила,
Чтоб дефективность чью-то описать.

К нему в душе питаю отвращенье,
Но мил мне безобразья образец!
Плескаюсь в горделивом упоеньи —
В сравненьи с ним я просто красаве́ц!

Пигмалион

На твоей груди соски набухли,
Ты сопротивляешься слегка.
Вытаращит кот глазёнки круглые,
Черти со смеху начнут икать.

К. Куликов

Милая, давай не кочевряжься,
Давай выпьем и потешим плоть!
Всё равно, красавица, отдашься,
Так не будем время зря молоть!

Что же ты холодная такая?
Губы сжала, побледнела вся,
Смотришь в одну точку, не мигая,
И не возбуждаешься.

Твою грудь целую с упоеньем,
Ушки, шейку, бёдра и живот,
Но бетонное твоё сопротивленье
Мне желаемого акта не даёт…

Я устал, и всё подспинье в мыле,
Словно бы один ходил на рать.
Пообвисли эротовы крылья.
Я обиделся и буду спать.

Надо мной во сне смеялись бесы
До икоты, до обильных слёз!
Называли чокнутым повесой,
Извращенцем из долины грёз…

Я проснулся рано утором в парке.
Во рту мерзко, и трещит башка,
Мокрый весь и мне отнюдь не жарко,
Ноют грудь, колени и бока.

Видно, выпил я вчера немало.
Надо ж было быть таким ослом!
Подо мною на траве лежала
Статуя «Колхозница с веслом».

На девятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Америкой (Атланта)

Эпо... хальное по... этическое

Сыплет мелкий дождь с небес
И ему всё по...
Без меня ушёл экспресс
В новую эпоху.

Г. Цепкова

Во дела, как смоль бела —
Всем всё стало по...
Некого и на... посла...
Никакого проку!

Хренов дождь, япона ма...,
Сколь не посылаешь,
Говорит: «Иди сама,
А на что — ты знаешь».

Хоть бы оскорбился, бля...,
Ёхана примочка!
Не дождёшься ни буя,
Ему по... и точка!

По... деревьям, по... домам,
По... и на... — всё сразу —
По... букашкам и слонам,
По... кротам безглазым!

По... родимое гнездо
Клювомордой птице,
Стрелке флюгера тем бо...
По... куда крутиться!

Отправляется экспресс
В новую эпо...
Не забыли б поэтесс,
Мне это не по...

Древофилия

Вокруг торжественно, как в храме.
Покой, куда ни кинешь взгляд.
Берёзы стройными ногами
Мужскую душу бередят.

В. Кухнюк

Войду в берёзовую рощу,
Застыну, словно сам не свой.
Вдруг вожделение всполощет
Души дремающей покой.

Берёзы, милые берёзки,
Готов я вечно созерцать
Прекрасные литые ножки
И вашу царственную стать,

И трепет изумрудных чёлок,
И эротизм прекрасных тел...
Вот только врач-сексопатолог
Ходить мне в рощу не велел...

Беда

А потом опять свой лук натяну
И ещё одну стрелу прямо в цель.
Раз за разом я тяну тетиву,
Неизменно поражая мишень…

Я смирился с этой грустной судьбой.
Это просто, как открытая дверь.
Оказалось, я и вправду крутой,
Ну и что мне с этим делать теперь?

С. Турчинин

Я покруче всех крутых чуваков!
Так покручен только хвост кабана!
Прячьтесь, бабы, я к охоте готов,
Плачьте, девки, вашим целкам — хана!

Мои стрелы, словно иглы остры.
Их мишени — это ваши сердца.
Разжигают они страсти костры
И ни счёта тем кострам, ни конца.

Но однажды приключилась беда,
Разгорелся грандиозный скандал!
Прервалась моих побед череда:
Я случайно в зад Пегасу попал.

В вас влюблялся ли когда-нибудь конь?
Нет, не лошадь, лошадь — это фигня.
«Отвяжись, — кричу, — скотина! Не тронь!»
Оказалось, конь покруче меня…

Смейтесь, бабы, мне теперь не до вас.
Превращён я из охотника в цель.
И имеет меня наглый Пегас
В хвост и в гриву, в туды и в качель.

Весёлые повтирушки

Мне симпатична Джулия-узистка.
Застенчивая, словно гимназистка.
Сквозь вазелин мне щупает живот,
А у меня от этого встаёт.

С. Плышевский

Прекрасная рисуется картина!
Представьте: пузо мажут вазелином,
Нажим, удар, щелчок, шлепок
И вдруг со звуком громким — «чпок!»

Преодолев земное притяженье,
Угрюмое, унылое висенье,
Вскочил, как по утру солдат,
Любвеобильный аппарат.

Казалось бы, нормально, в чём же дело?
Сама природа эдак повелела.
Да, это так, но вот в чём штука, —
Мерзавка Джулия, убрав от пуза руку,

Сказала: «В пузе нет заболеванья.
Целуйте бабушку в затылок. До свиданья!»
И пациент, тихонько кроя матом,
Остался любоваться аппаратом…

А дальше неприличная картина:
Втираются остатки вазелина…

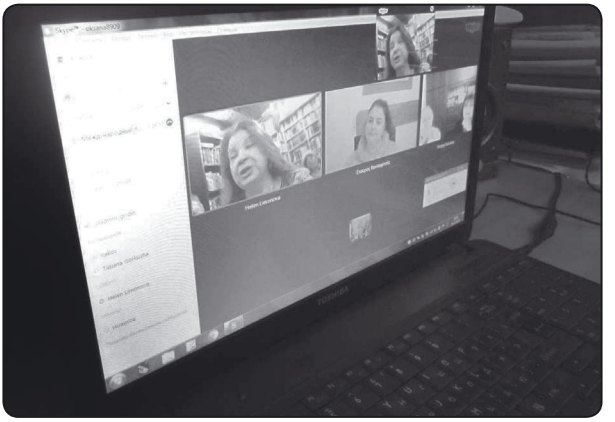
Двое в курятнике

«ДВОЕ В СОЛОВЬИНОЙ РОЩЕ»

Чио-чио, ох-хо!
(Одним выдохом, одним вдохом)
Лио-лио, эх-хо!
(Одним стуком сердца,
В финале — хохот)
Бэбби-бэбби, люб-блю!
(Глаза-глаза, губы-губы)
Тио-тио, ю-ю!
(О! А! Любит, любит!)

В. Шнайдер

Кукареку, ко-ко!
(Слились клювы в поцелуе).
Куд-кудах-тах-тах, ко-ко!
(Пёрышком по эрогенной зоне).
Кука-кука-ре… Ого!!!
(О! А-а-а! О! А-а-а-а!!!)
Яйца.



На четвёртом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Грецией, Россией (Москва)

Пелевин Александр

(Москва, Россия)

О себе: «Родился и живу в Москве. По профессии — геолог. Первая публикация — в газете «Заполярная правда» (Воркута), благодаря Николаю Герасимову. Входил в ЛИТО, которым руководила Наталья Генина. Она привела меня ко Льву Новожёнову, он начал печатать мои опусы в «Московском комсомольце». Что-то было даже в журнале «Юность»... В девяностых перестал писать. Неожиданно для себя «проснулся» после того, как в руки попалась книга Геннадия Банникова «Без приземлений». Являюсь одним из организаторов и постоянных участников «Шапировских Вечеров» в Московском Доме архитектора. Публикуюсь, в основном, в сетевых изданиях».

Валенки

Когда был Ленин маленький —
Размером с молоток —
Любил он бегать в валенках
На запад, на восток.

Когда был Ленин средненький,
Он в Питер приканал.
От валенок наследники
Попрыгали в канал.

Когда был Ленин старенький,
С больною головой,
Он спать ложился в валенках
С лечебною травой.

Когда был Ленин при смерти
И начал умирать,
Тут валенки и свистнули:
Все думали, что — мать,

Что мать Максима Горького!
Тот плакал в долгий ус.
На Капри съехал, окая,
И охая, и ойкая,
И там лишился чувств.

Воскресное чтение

если б Ларошфуко
жил бы в нашей России
позабыл бы максимы
ел бы как все жуков

бил бы их на лету
складывал в прочный ящик
чёрных сочных хрустящих
тающих сладко во рту

счастье б познал Франсуа
только б совал и совал

Дружба

навсегда только дружба
немудрёный сырок
сколько раз добродушно
выручал он как мог

отлетит этикетка
изомнётся фольга
но название это
не отнять у сырка

Поутру

а поутру а поутру
я полутруп я полутруп
а почему а потому
что ночью снилась мне Муму

и в полудрёме в полусне
я с нею был на самом дне
мычал Герасим с вышины
как все Герасимы страны

Вжик

русский бог похоже парикмахер
острой бритвой только вжик да вжик
будь ты даже михаэль шумахер
херувим догонит в нужный миг
ну а мы с тобой не михаэли
где-то как-то сбоку уцелели

Петербургские сны

гоголь был очень странным
ездил всегда без охраны
прыг на свою птицу тройку
и айда на попойку

там верховодил пушкин
сидя верхом на подушке
будучи малорослым
он любил малороссов

пушкин был хлебосольным
всех огурцом малосольным
потчевал спозаранку
чтоб не впадали в пьянку

гоголь закусывал салом
давал и друзьям но мало
пил же одну горилку
мог не одну бутылку

а когда напивались
так что другим на зависть
гоголь всё видел чёрта
пушкин петра в ботфортах

ночью строчили оба
спал петербург в сугробах
снилась ему шинелька
и пугачёв емелька

САПИР ИРИНА

(Холон, Израиль)

Член Союза русскоязычных писателей Израиля и Международной гильдии писателей. Родилась в Одессе в 1972 году. В 1991 вместе с родителями эмигрировала в Израиль. В 1993 году поступила в Тель-Авивский университет на Английское отделение и Лингвистику. В 2012 году вышла первая книга стихотворений для детей «Пушистый Мир», в 2016 году — сборник стихотворений «Я родилась осенним утром». Печатается в журналах, альманахах СРПИ, МГП.

Дорога к храму

Цветы срывала на ходу,
на них — роса. Я,
не замедляя шаг, иду.
Иду босая.

Несу две туфельки в руках.
То холм, то яма —
мне не пройти на каблуках
весь путь до храма.

Духи, помада — ни к чему.
Балласт! Пустое!
Мою заполнило суму
совсем другое:

дороги, встречи, дни, часы,
слова, улыбки,
разметки взлётной полосы,
мои ошибки,

несочинённые стихи,
рубцы, ожоги,
имён зачёркнутых штрихи,
и вновь — дороги.

Несу, как рок и как дары,
свои истоки.
По склонам храмовой горы
путь одинокий.

Я ноги сбила, но иду
наверх упрямо,
хоть и не знаю, что найду
там, в сте́нах храма:

лавровый царственный венок,
хвалений строфы,
или… затоптанный росток
в пыли Голгофы?..

Песочные часы

Положите на бок песочные часы, и они тотчас же перестанут отсчитывать время, превратившись в бесконечность…

Л. Чеботарёва (Люче)

На скорости космической
летят секунды — атомы.
Я бьюсь в них истерически,
как голубь в окна. Датами

мелькают дни урочные.
Мечусь я между сутками.
Идут часы песочные —
года текут минутками.

По крошечке, по зёрнышку
из верхней колбы в нижнюю
сквозь узенькое горлышко
ссыпается неслышная,

тугая струйка времени.
Песок стекает золотом
и бьёт меня по темени
песчинками, как молотом.

Бегу, бегу стремительно.
Я гонкой обесточена.
Мне хочется мучительно
свалить часы песочные

на бок. А может, временно
замрёт секунд скольжение —
ни войн, ни слёз, ни бремени,
ни звука, ни движения.

Увы! — Прервать течение
времён нельзя, и катятся
по склону дни рождения,
субботы, среды, пятницы,

проносятся картинками,
мелькают, словно лопасти…
Текут года песчинками
на дно стеклянной пропасти.

На девятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Украиной (Житомир), Америкой (Атланта)

Попытка

Я удалюсь на время в город,
где буду только я одна.
Как многосложные узоры,
внедрившись в нити полотна,

над ним довлеют так все грани,
тона, и рифмы бытия
прошьют насквозь льняные ткани
моей души. И буду я

одновременно сразу всеми,
одномоментно там и тут:
и жалкий клоун на арене,
и те, кто равнодушно ржут,

комфортно прячась в темном зале,
кто в даль глядит, кто смотрит вспять,
и тот, которого распяли,
и тот, кто смог его распять,

и зверь пугливый — и охотник,
и осуждённый — и палач,
и крез — и нищий в подворотне,
и исцеляемый — и врач…

Я буду всеми, принимая
все краски на свою канву,
заполнив всю её до края.
Я каждый образ проживу.

И через призмы правды разной
на жизнь попробую взглянуть,
себя снедая несуразным
желанием понять, в чём суть,

каков мотив, первопричина,
в чём цель и жизнь дана зачем?..
Но зря примерив все личины —
вернусь из города ни с чем.

Багаж

Я привезла с собой
бессмертные творенья —
поэзии биенье
и прозы вдохновенье…
Но здесь язык другой.

Я привезла с собой
блокнотик с адресами
друзей моих… Но сами
они за большаками.
Их рядом нет со мной.

Я привезла с собой
цвет мартовской мимозы,
метели и морозы,
и летних ливней слёзы…
Но здесь — дожди зимой.

Я привезла с собой…
А для чего, не знаю?..
Тут жизнь совсем иная,
а я храню (смешная!)
багаж никчемный свой.

Но если я тоской
поранюсь, словно сорным,
густым, колючим тёрном,
мне снимут боль бесспорно
осколки жизни той:

июльский дождь, настой
есенинского слога,
ромашки у порога —
все то, что (Слава Богу!)
я привезла с собой!

Депрессия

Серой тканью укутала тень
день.
Он ко мне просочился домой
мглой.
Тусклый вечер добавил печаль.
Жаль!
И ничем не смогла мне помочь
ночь.

В темноту опускается с крыш
тишь...
Только сотен разбитых окон
звон,
только лезвием врезанный в миг
крик,
только двери захлопнутой вдруг
стук...

И беспомощно бьётся в висках
страх,
и стекает со лба прямо в рот
пот,
и по коже бежит, точно вошь,
дрожь...
Безысходность целует взасос —
SOS!

Хоть бы мне милосердно помог
Бог,
снял бы с крыльев порхающих муз —
груз,
и сорвал бы с ресниц моих прочь
ночь...
И по склонам чернеющих круч —
луч! —
золотистый, весёлый, живой,
МОЙ!

Сариду Нани

(Александруполис, Греция)

Родилась в Грузии. Училась на лечебном факультете Медицинской академии имени И. М. Сеченова в Москве. Окончила художественную академию, специализировалась по иконописи. Стажировалась по иконописи в художественной мастерской в столице Кипра Никосии, где проработала иконописцем полтора года, до момента переезда в Грецию. С 1996 года живёт в Греции, в городе Александруполисе. Работает по своей основной профессии — врачом (кардиологом). По сей день иллюстрирует книги и журналы на греческом языке, участвует в выставках. Автор двух персональных выставок. Сотрудничала с газетой «Гноми», «Афинским Курьером — Московским Комсомольцем», Автор поэтического сборника «Она поверила опять», «Будь!», публиковалась в групповых поэтических сборниках «Эпигони», «Артелен», «Свиток 34». Свободно владеет пятью языками (русским, английским, грузинским, турецким и новогреческим), пишет стихи и прозу на русском — языке своего детства.

Гесперида

Крыжовника кошачий взгляд
Меня встречает у калитки,
Залившись краскою, горят
Кусты малины малолетки.

Так, утомленная слегка
Священнодейством в райской
клетке,
Как паучок на ближней ветке,
Белесовата и хрупка,
Сольёшься с сеткой гамака
Под убаюкивание ветра.

Поблекли золото и клад,
Кружится гесперидов сад,
И Ты, заполнив всё собою,
Позволишь выбраться на волю,
Раскрыв мне сонные глаза…

Предательство

Их было триста, все умрут,
Лишь летописцу пробираться
Наказано чрез персов струп,
Чтоб Глас Свободы, Дух
спартанцев
В сердцах рабов нашли приют.

Борьба с врагами — славный труд,
Ну, а с предателем — напрасный:
Он умирает ежечасно,
ежеминутно там и тут,
Моля судьбу о смерти красной…

Но колокольчики сдают
(До неприличья языкасты),
Раскрыв лепрозного приют
И лиц, к нему не столь
пристрастных…

Фагоцитарной цитоплазмы
Замкнулся вакуолью круг.
Один…Толпе уже не важно,
Кто перед ней: Пророк иль плут,
Христос иль Брут…

Впиваясь, жгут
Его — поверившего в сказку,
В возможность к братии примкнуть,
Блистая доблести закваской —

Насмешки… Мести горький путь.
Изменник, в Вечности увязший, —
Не умереть, не продохнуть…

А тут ещё один, сидящий
По руку правую Христа,
С Червём сомнения, точащим
Ученика. Да, неспроста

Иисус к себе его приблизил,
Мученье падшего объяв
Любовью, ставшей Смерти выше,
Земных страстей, забот, похвал.

Предвидел всё, принял
с радушьем
И ничего не отвратил,
Петра простил за малодушье,
Отца за жертвенность простил…

Любовь и Ненависть на чашах
Весов земного Бытия,
Когда громлю и жгу ненаших,
Иуда здесь, и это — я!

Мягко стелющему воздыхателю

Довольно!
Лысина потеет
и блеском
зайчиков плодит.

Я не Мазай,
Вы не при деле,
нам полноводье
не грозит.

Простой совет:
плывите дальше.
Стелю сама
и ем, что есть —

перины нет
и полной чаши,
в тени пещерной
ждущей свет.

Зеркальный мир

Нарциссом утопает в зеркалах
Стекла и стали суетливый город,
Кольцом бетонным вражий пруд зажат,
К осаде долговременной готовый.

Футляры глаз-очков, витрины душ-глаза,
Диоптры отражений множат клоны,
В порочный круг рефлексов и зеркал
Затягивают новых миллионы…

Пигмеем затерявшийся астрал,
Тот первозданный, уходящий… перезвоном
Доносит эхо бьющихся зеркал —
Правдивых хрупких, ведавших о многом…

Зима

Свалился с сердца груз
и выбелил ресницы —
на лапнике снегá,
лицо в дорожках слёз.

Над арматурой льда
и стали пар клубится,
земные холода —
штыри пронзают нос.

Сосуд мой опустел,
а может, он разбился…
Да был ли он вообще?
Тут тени не живут…

Лишь абсолютный свет
бесчувственной гробницы —
под мраморной плитой
зимуют Цвет и Звук.

Тут начат пересчёт
тысячелетней боли,
желания, греха —
на рая забытьё.

И маятник умолк,
пока опять Земное
из Вечной мерзлоты
Подснежником взойдёт!

Несбывшаяся мечта

«Прости!» — ранение сквозное
На остывающей груди…
Мечта пощёчиной свинцовой
Отрикошетит позади,

Оспинкой метя плоть дороги,
Под пылью от снующих ног,
Лежит, чтоб грубые подошвы
Мои при встрече исколоть.

Так корчась от фантомных болей,
В дугу изогнут столбняком,
Собрав в кулак остатки воли,
Признал себя в мальце твоём

И волком взвыл, что вновь просрочил
С признаньем, видя ваш мажор,
Что жив, что рана кровоточит,
Что на тебя смотрю как вор…

На дне

На дне бокала Рай и Ад
(кольцо иль пепел сигареты).
Любая из сторон монеты:
периодичность Ночи, Дня
меняет роли и акценты
в игре охотника и жертвы,
расклад Реальности и Сна,
поблекший изумруд на яд.
Кошачий взгляд, застыв с рассветом
на стенках фосфором, ответит
на гнёт забывчивого дня
чесночным привкусом. Опять
запущен поезд, стук о рельсы
колёс и восходящим: «Ах!» —
отброшены к истокам грешным,
в Обитель Неги, где Земля
юлой в ногах кружит потешно,
болтая ими безмятежно.
Ей помогаешь не упасть,
задав касаньем лёгким такт…
Нехватка близости телесно:
пропитым голосом в сердцах
тебя ль не клясть в кабацких песнях
и возносить затем в стихах!
В каморке, на кровати тесно.
Уставши в потолок плевать,
как знать, найду ли что в Небесном
пути прокуренном? Как знать?
С карниза крыши до Вселенной
Всего-то шаг, рукой подать!
Дилемма — в пропасти отвесной,
В размахе крыльев — благодать!

Скляднев Леонид

(Беэр-Шева, Израиль)

О себе: «Родился 19 января 1954 года в городе Бузулуке Оренбургской области, в семье врачей. В 1958 семья переехала в Самару (тогда — Куйбышев). Именно там прошли детство и ранняя юность. Именно Куйбышев-Самару считаю своим родным городом. После окончания средней школы служил в Советской Армии. Учился на экономическом факультете МГУ имени Ломоносова (1974—1978) и в Куйбышевском плановом институте. Работал экономистом в разных организациях в Самаре и на севере Западной Сибири. С 1991 года живу в Израиле (Беэр-Шева), но связи с Россией не теряю. Попытка осмыслить эмиграцию из России и правомерность такой эмиграции — один из основных мотивов творчества». Автор романов «Труба», «Нелюди», повестей «Цыгане», «Наташа», множества рассказов, стихов. Печатался в журналах «Слово писателя», «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Журнал свежей литературы» (Санкт-Петербург), «Мосты» (Германия) и других.

***

Не лгите мне — свирели вьюг
Не отзвучали.
И каждый вечер я даю
Балы печали.

Там нота тешит боль виска
И плачет всуе.
Там танец госпожа Тоска
Со мной танцует.

Глядит в глаза, ведёт к окну,
Манит в объятья.
Игриво просит расстегнуть
Крючок на платье.

Так полон сна ресниц узор
И влажно томен.
И одиночества разор
Пирует в доме.

Расплывчатый рисунок вьюг —
В оконной черни.
Балы печали я даю
Ежевечерне.

Периферия

Ветром осени рассеян,
Кроет город листопад.
Полупьяный крик: «Расе-ея-а!..»
Увенчает голь бравад.

Лучше опусти ресницы —
Не с кем броситься вразгон,*
Невозможно объясниться,
Не срываясь на жаргон.

Лучше памятью согреться,
Чем, играючи в живых,
Затеряться, затереться
В жути лестниц винтовых,

В жёлтой жути коридоров,
В пыльном празднике углов,
Где не убран труп раздора —
Жалкий кухонный улов

Коммунальных перепалок
Без надежды на разъезд:
«Всё пропало! Всё пропало!»
Пахнет кошками подъезд.

Пахнут старым жиром плиты.
Дверь плотнее затвори.
Мы — забыты, «планом» крыты —
Спим в глуши периферий.

Ноябрь

Как хаос арматуры — рощи.
Игра прорех — простор окну.
Вновь ноября неровный росчерк
Жизнь желтизны перечеркнул.

И поздно вздрогнуть, оглядеться
И, приложив ладонь ко лбу,
Вздохнуть. Уже не отвертеться —
Уже бросаюсь наобум

Навстречу — явно! — пораженью
Под тягостный оплыв небес,
Других спокойному движенью
Наперекор, наперерез,

Туда, где ветра дикий запах,
Где мёртв часов усталых бой,
Где ночь кончается внезапно,
А начинается — тобой.

* **Вразгон** — в разные стороны, врассыпную.

Поэт в Беэр-Шеве

Исход субботы. Темен небосвод.
Хамсин сухой горячей пылью дышит.
Компьютер нем. А он?.. Он хмуро пьёт:
«Погода чёртова! Хамсин меня убьёт.
Соб-бачья жизнь — опять никто не пишет.
Ни-кто...» Тоски угрюмый беспредел.
И вдохновенья призрак улетел.

А жизнь — как жизнь: жестока и проста.
С измятого газетного листа
Священные каракули иврита
Оповещают: «Столько-то убито...»
И далее — убористым петитом —
Идут убитых этих имена.
Орут соседи, и — почти война.

Мерцают старой почты письмена
Со старого овального экрана.
«Не пишут из России, и она,
Далекая-далекая Татьяна,
Не пишет». Душно, и почти война.
Война — общенародный сдвиг по фазе.
Опять кого-то замочили в Газе.

А в будущем — египетская тьма.
А жизнь проста, жестока и напрасна.
Война ... Атас! Страна сошла с ума —
Закрыли все веселые дома
И выслали украинок прекрасных.
Увы. И всех в сердцах назвав на «мэ...»,
Охота сделать жизни резюме.

На Севере, в России снег, поди,
И до идиотизма — перестройка.
Куда летишь, родная? Осади!
Валит в веках лихая Птица-Тройка —
Тачанка, паровоз, головомойка,

Истории Олимп, её помойка.
А ты, как зверь, с дороги уходи
С привычной болью, ноющей в груди.
Почти война. Соседи голосят.
Горячие, чернильны ночи крылья.
«Зачем дома веселые закрыли?
Да, нешто, делать в руку в пятьдесят!..»

Просматривает, пальцами хрустя,
Ряд строк неровных. Кашляет от пыли.
И громко вслух: «Да сколько бы ни крыли,
Меня прочтут потомки и простят.
Ведь любят нас потом — когда зарыли».

Сон Леонида С. на Арбате 1 сентября 2016 года

(на получение книги «Письмо с этого света»)

Полуобдолбанной толпой
Арбат навстречу мне стремится.
Недавний дружеский запой
Казнит похмельем. Те же лица…
Я знаю их круговорот
И помню эти тротуары.
Но Город — вроде как не тот.
И я уже не тот, а — старый.
Мне многое по фонарю
И многое — не по карману.
Плевать, я скоро догорю
И, как другие, в вечность кану.
Всё это скучно и старо,
И не о том я двинул речи…

Вот выплываю из метро
Красивой девушке навстречу
И обмираю перед ней,
Как бы в угаре и ударе.
А сердце бьётся всё сильней.
И девушка мне книгу дарит.

А в этой книге всё не так —
Ни свадьб, ни счастья, ни покоя.
Всё как-то — наперекосяк.
И всё — не девичье такое.
«Откуда это, друг, у вас?» —
Кричать я тщусь, но не выходит.
С небес какой-то трубный глас
Вещает. Девушка уходит!

Истошный позывной беды —
Струною, лопнувшей на альте.
И тлеют легких ног следы
На Богом проклятом асфальте.

Осень

Она, напившись допьяна
Свинца из Волги,
Тем за себя отмстит сполна,
Что будет долгой.
И осмеяв кумач труда
Багрянцем сада,
Она возляжет, господа,
На стогнах града.
И тут, конечно, все запьют —
Такое время.
Забудут пятилеток труд
И жизни бремя
И выпьют так — на четвертак,
На дармовщину
За «чтоб стоял», за просто так,
За годовщину.
И я — как все. Я погребён
На этих кухнях.
И душит каждым чёрным днём
Разрухи рухлядь.
Как все, приму я — полечусь
От жизни яда.
В бреду сгорая, полечу
По стогнам града.
Конечно, страшно, господа,
Но не сгори я,
Я б не узнал тебя, звезда —
Звезда Мария.
Я не узнал бы, жизнью сжат,
Как губы губят,
Голубят, нежат-ворожат,
Казнят, голубят.
Мне и лютейшие года —
Как эйфория
С тобою, ласточка, звезда —
Звезда Мария.
Твой свет высокий, голубой,
Инопланетный
В иную возвращает боль
Из боли этой
Лет так на семьдесят назад,
А может, ране,
В вишневый сад, кромешный ад —
На поле брани,
Где раскалённый пулемёт
Поставил драму,
Где белой конницы полёт
Навстречу Хаму.
А это вовсе, господа,
Не эйфория.
Мария, ласточка, звезда,
Звезда, Мария.

Подражание С. Черному

Та же комната: обои,
Стул, часы (увы, без боя),
Тишины всегдашний звон,
Вечно мертвый телефон,
Дыма сизая завеса,
На столе — стихи и пьеса
(одиночества мотив),
Импортный презерватив,
Две газеты и расчёска,
Рубль (отголосок лоска)
И ещё: поверх журнала
Смерть — в таблетках люминала.

Спарбер Александр

(Москва, Россия)

Родился в 1956 году в Москве. Закончил Московский институт электронного машиностроения. В 90-е годы — автор и соведущий программы о поэзии «Белый лист» на «Радио России». Автор книги стихов «Трава-вода». Победитель и лауреат нескольких поэтических конкурсов, в том числе «Турнира поэтов» за 2017 год на Первом литературном телевидении «ЛИТКЛУБ.TV». Публикации в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Аврора», «Этажи», «Плавучий мост», «Южное сияние»; поэтических альманахах «Белый ворон», «Витражи» (Австралия) и других.

Начало весны

А погода на улице — полный грабарь:
просветлённо, прозрачно, прелестно.
Скоро, скоро…
и всякая Божия тварь
разминает затёкшие чресла.

Скоро-скоро расколется панцирь реки,
рыба вверх по струе устремится,
из землицы собратья мои — червяки —
любопытные высунут лица.

И голодные корни лесов и полей
пропитает животная влага;
и, разинувши жвала, по мокрой земле
побегут человечки-имаго.

Я, признаться, и сам любопытный такой:
Кто? Куда? Эх, отвечу едва ли…
Может, хоть направленье покажет рукой
человечек по имени Алеф?

Степное

В степной полынной суховыли,
где наши древние растили
детей, коней, пасли коров,
где бык чесал язык о прясло
и расшивал орёл прекрасный
небес покров;
где каждый стебель сух и тонок,
кузнечик долог, звонок зной
и воздух жарок, как ребёнок
больной;
где бродит — с острым ликом
птичьим,
с котомкой, полной ох и ах —
высокое косноязычье
на костылях;
где пахнет горечью и мятой,
где суховей дудит в дуду, —
там, кажется, я был когда-то…
Или приду.

О тополях

Я иду дворами и бульварами,
где гоняют кошки голубей,
и торчат — поодиночке, парами —
голые болванки тополей.

Это слабо сказано, что голые:
ранним летом (пух — нельзя, нельзя!)
отрезают руки им и головы,
чтобы не разбрасывались зря,

не дотрагивались чтоб, не мыслили…
В августе я вижу между тем:
каждый ствол опять покрылся листьями,
что растут ладонями из тел.

…И когда мы побредём дорогами
в осыпающейся тишине,
дай нам всё, чего мы не дотрогали,
не коснулись, не познали, не…

Неуловимое

Река обмелела. Смотри-ка:
рыбёшки снуют меж камней,
барахтаясь в солнечных бликах…

и что-то мерцает на дне.

Кольцо? Или, может, заколка?
Осколок стекла? — не поймёшь…

Но смотришь. И смотришь так
долго,
что будто в пространстве
плывёшь.

Планете вцепившись в загривок,
летишь неизвестно куда…

Как всё это неуловимо —
рожденье, и смерть, и вода,

да, неуловимо, случайно —
тропинки, травинки, стихи

и это мерцание тайны
на дне обмелевшей реки.

Зародыш

Когда я был фасолинкой, когда
я состоял из хрящиков медовых,
полупрозрачных, мягких, бестолковых;
когда вокруг меня была вода,
точнее, воды, воды… я парил в них,
качался, плыл… и соком материнским
моё переполнялось существо —

тогда, наверно, было хорошо мне,
тогда и был я счастлив…
Но не помню,
не помню, к сожаленью, ничего.

Карета

Когда — какой-нибудь зимой —
все наконец умолкнут споры, —
неслышно явится за мной
карета-мягкие рессоры.

Она помчит меня туда,
Где ни жестоких нет, ни слабых,
на поворотах и ухабах
покачиваясь иногда.

И будет снег, и будет смог,
и ночь, и стук копыт по насту:
«Как жил ты,
как ты жил, сынок?
Как жил,
как жил,
как жил без нас ты?»

В покрытой корочкой душе
такая вдруг пробьётся мякоть,
что мне захочется заплакать…

Но не получится уже.

***

Там на ином, невнятном языке
Поёт синклит беззвучных насекомых…

Н. Заболоцкий

Этот лепет травы… это там, под травою — ты слышишь —
удлиняются корни, ломая комочки земли,
в лабиринтах, сопя, бродят сонные тёплые мыши,
и, с работы спеша, всё шуршат и шуршат муравьи.

Эта музыка… Рыла задрав, дуют в трубы и горны
виртуозы-жуки; уховертки поют о любви
и играют на скрипках; а рядом, в пещерах просторных
распевают мокрицы слезливые песни свои.

Там, наверное, и для меня приготовлена полость:
охраняют её до поры муравьиные львы —
чтоб, как время придёт, окончательно вплёлся мой голос
в этот хор земляной и в младенческий лепет травы.

Дальневосточное

Когда я уеду на Дальний Восток,
в тот край, где гривастый скитается волк
и тигры пьют воду Амура;
туда, где на многие вёрсты — одна,
покрытая снегом, лежит тишина
в постели своей черно-бурой...

Когда я приеду на Дальний Восток,
вдох станет просторен, а выдох — глубок,
и разные птицы и звери,
завидев меня, закричат, запоют,
захлопают крыльями, гнёзда завьют,
мгновенно в бессмертье поверив.

Тогда, заключённый навек в монолит,
проснётся, вздохнёт заколдованный кит,
и выплывет лодка из пасти;
и чайка стремительной белой иглой
пустое пространство меж небом и мной
сошьёт окончательно, насмерть.

Когда я уеду на Дальний Восток,
когда я приеду на Дальний Восток,
засветится месяц хрустальный,
когда я уеду на Дальний.

ХАНИНА ЕЛЕНА

(Беэр-Шева, Израиль)

По специальности врач-эндокринолог, кандидат медицинских наук. Большую часть жизни провела в Риге. С 1989 года живёт в Израиле. Член Союза русскоязычных писателей Израиля и Писателей XXI века. Автор семи сборников поэзии и прозы. Публиковалась в журналах, альманахах, ежегодниках израильской поэзии.

Предчувствия

Предчувствие подлости и расставанья с любимым.
Слова, словно шпалы, проложены вновь в никуда.
И прошлое гложет меня, и кончаются силы.
Как мало, как мало осталось в бокале вина…

Предчувствие смерти родных, ничего нет страшнее,
И бледность, и слабость, и эти последние дни.
А ты остаёшься. Весна и трава зеленеет.
Ты выброшен за борт, не выплыть. И чувство вины…

Предчувствие собственной смерти, но нет, не мгновенной.
Беспомощность-пытка, которую не прекратить.
И некому всё рассказать откровенно.
Из кружева выткан рисунок — о дай мне забыть,

Забыть и забыться, стать снова беспечной, весёлой.
Далёкие страны. Пить кофе в Париже одной.
При этом не мучиться дурью и даже не спиться.
Пока ещё рано. Беэр-Шева, хамсины и зной…

Разлука

Нашей разлуки траурный марш
Всё ещё душу мою будоражит.
Сделай доброе дело, уважь!
Пусть память покроется медленно сажей,
Сажей того предпоследнего дня,
Что разгромил, и разрушил, и отнял.
И до сих пор не понять мне для
чего шептались стрекозы, как сводни.
Пальмы презрительно шелестят.
Мы вместе ходили по этой дорожке.
И за любовь мою словно мстят
Все, даже старые чёрные кошки.

***

Сотри из памяти, сотри.
Но вновь заезженной пластинкой
Тот день: гора золы, опилки…
Противно гаснут фонари.
Который год приходит с нами
Скользящей лентою змеи
Тот чёрный день в конце зимы.
Мой страшный день, моё — цунами.

Химеры

Химеры, химеры входили ночами
И что-то невнятное нам обещали.
Садились на краешек смятой постели,
Просили покаяться, песенки пели.
Тянулись за ними воздушные шлейфы.
Шептали листочки: «Химерам не верьте!»
Мы верили глупо, но так получилось,
И снежное утро улыбкой лучилось.
Кузнечик стучал по надкушенной ветке,
А с неба смотрели ушедшие предки.

Чайковская Валентина

(Ришон-ле-Цион, Израиль)

Член Союза русскоязычных писателей Израиля, Национального союза писателей Украины и Международной гильдии писателей. Член редколлегий журналов «Русское литературное эхо» и «Відлуння» (Израиль). Лауреат Международных литературных конкурсов, печатается во многих альманахах, журналах, в периодической печати. Автор двенадцати книг. На многие стихи написаны песни известными композиторами.

Под родною крышей

(Городу Житомиру)

То ли ветер, то ли дух колышет
Занавески дум? Ты входишь в дом
Под родной до слёз, седою крышей —
Только это в прошлом дорогом…
Город рос. И дом снесли со вздохом.
Рухнул рядом спиленный орех.
Ты под ним играл ребёнком-крохой,
И в его ветвях — твой плач и смех.
Улыбался дом распахом ставен,
Керогаз в сенях огнём пыхтел —
В угол не за копоть ли поставлен?
Не понять дитяти взрослых дел.
Всё в тебе от вешних лет осталось:
Запах хлеба, тиканье часов,
Счастье деда, что, забыв усталость,
Гладил взглядом — был дороже слов!
Дребезжал от радости на кухне
Со щербинкой глиняный кувшин.
Даже если мир нежданно рухнет,
Ты достанешь робко из глубин
Песню мамы, бабушкины сказки,
Солнца луч, зажатый в кулачке,
И особый признак скрытой ласки —
Леденец в отеческой руке.

Краплина спогадів

Чомусь у цій вечірній миті
Згадалась бабціна хатина…
За нею лан, волошки в житі —
Дитячих спогадів краплина.
Ввійшла у серце чимсь урочим,
Відлунням щастя затремтіла,
Лелечим клекотом пророчим
Крізь Простір в душу залетіла.

…Стоїть хатиночка біленька,
Там бабця молиться в куточку…
Ти не забув її, рідненьку,
Її вишивану сорочку.
Ось ти й не ти уже, неначе,
І зникли геть усі тривоги,
І щось в тобі, до сліз дитяче, —
Бабусі кланяється в ноги.

Соняхи

Чи соняхи зовуть додому —
Десь на Полісся й на Поділля?
Шукаєш в них снагу знайому,
Що дорога до божевілля.
Ти там босоніж йшла по травах,
Немов маленьке янголятко,
Купала ляльку у загравах,
І мову вчила від початку.
Неквапно літери писала,
Хімічний слинила олівчик,
(Чомусь лиш біла сукня стала —
Синенька, як і носа кінчик.)
Злітає думка ввись незрима,
В простори сині і бездонні:
«Любов живе в Єрусалимі!»
Щезає слово «закордонні».
Ти й Тут удома, не журися!
Заглянь углиб душі, голубко!
Як гарно квіти розцвілися!
Тріпоче серце в грудях лунко.
Навіки в нім твій край поліський!
«Люблю», — летить удаль тихенько.
А Небо нині — близько-близько,
Одне на всіх воно, рідненька!

...І виноградиться вино

Цей обрій губ твоїх тремкий і ніжний,
І виноградиться у келиху вино...
Привиділось мені, чи в світ цей грішний
Ми вдвох і увійшли давно-давно?..
Крізь Шлях Чумацький і усі орбіти
Несли нас янголята на плечах,
А ми були немов невинні діти,
І зорі відбивалися в очах.
І віхоли, дощі і буреломи
Перед високим замовкали вмить.
В твої обійми входжу, як в хороми,
І щось від ласки у душі щемить.

І мліють мальви

Так світять в душу промені незримі,
Що ллються просто із очей твоїх —
Незмірно теплі, ясні, неділимі,
Як ті зірки в сузір'ях негасимі,
Мов діаманта сонячного штрих.
А я стою, і слів бракує, любий.
Така тремка в очах твоїх глибінь.
Хвилюють до знемоги спраглі губи,
І ніби ангел у ріжок свій трубить,
І мліють мальви в ласках шепотінь.
Комусь роки налічують зозулі —
Із наших снів провидиці малі.
Не знаю, як знайти слова більш чулі,
В яких чуття — прийдешні і минулі —
Коханням хилять небо до Землі.

Я пробачу

«Не питай, — прошу я, — ні про що…
Не тривож мою зболену душу».
Як білизну, думки полощу
У ставку невагомості. Мушу.
Нині зимно з тобою мені,
Не запитуй, а дай відмовчатись…
Сіре небо у хмарнім вбранні
Просить мудрістю нас керуватись.
Так пече непролита сльоза…
Жаль образи не вилити в слові.
Я прощу… як прощає лоза,
Талим водам негадану повінь…
Б'ється жилка на скроні якась,
Мов розвів хтось в ній крапельку синьки.
Я пробачу… за хвильку… дай час…
І все прикре відійде навшпиньки!

Сльоза

Втрачає пам'ять дати і адреси,
Укотре вже гаї міняють стрій.
О, скільки зір скотилося небесних
У сорок першім! В рік страшних подій!
Дитя тягнуло ручки до матусі —
Скосили кулі матінку й дитя…
Затерп від горя, збився Час у русі —
У Бабин Яр скидали майбуття.
Німів від жаху Простір велетенський!
…від слів про біль обвуглився папір,
Палають свічі в Менорі єврейській,
І відблиски сльози сягають зір.

І знову надвечір'я

(Рішон-ле-Ціону)

Ось котиться мовчки на захід світило,
Навшпиньки крадеться вже вечір, мов рись.
Любуюся просто з вікна небосхилом,
І подумки сонце прошу: «Забарись!
Дай втіху душі від цього краєвиду,
Де в місті ось-ось запалають вогні,
І вечір, убраний у темну хламиду,
Обійме будівлі і пальми хмільні,
Що раптом сп'яніли в обіймах цих вулиць,
Стоять собі мовчки вздовж сивих доріг,
Зріднившись із містом, красуні незчулись,
Як швидко зросли, мов на дріжджах пиріг».
Заходить вже сонце за пагорби любі,
Плете надвечір'я в душі дивоцвіт.
Не сміють мовчання порушити губи.
За мить — повний місяць осяє цей світ.

Занурився вітер в волосся моє

(вільний переклад вірша Валентини Бендерської)

Занурився вітер в волосся моє,
Мов чарам піддався у грі світлотіні —
Сплітався, як трави в лісному фойє,
Із листям опалим в цій гриві осінній.
Він ніжився в пряному запаху хвиль,
У сонячнім блиску шалених обіймів,
П'янив у задусі... І пристрасть, і хміль!
Злітали волани із сукні нестримні...
Упав мені в ноги, зомлів біля скронь,
Шептав щось на вушко. Інтим... Невагомість...
Обняв, і тужливо завив... Може, сон?
Понісся за гай він, кудись в невідомість.

Шишкарёва Наталия

(Москва, Россия)

Живёт в Москве. Окончила Московский энергетический институт. Автор книги стихов «Маникюр». Публиковалась в журнале «Литературная учёба», сборниках «Форма огня», «Москва. Мегаполис. Дом», альманахах «Литературные страницы» и «Русь моя», в литературном журнале «Литературный Иерусалим» (Израиль).

МУЗА И КУЗНЕЧИК

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ:

В траве сидел кузнечик,
Совсем как огуречик,
Зелёненький он был.
Он ел одну лишь травку,
Не трогал и козявку
И с мухами дружил.
Но вот пришла лягушка —
Прожорливое брюшко —
И съела кузнеца.
Не думал — не гадал он,
Никак не ожидал он
Такого вот конца...

Детская песенка

(Фёдор Тютчев)

Весь день он прыгал, как обычно,
Пел с мухами, жевал траву.
Всё было на лугу привычно;
Вдруг чудо встало наяву.

Кузнечик первый раз влюбился,
Та ж, уловив момент проворно,
Пока он взглядом ей молился,
Взяла несчастного за горло.

«Люблю глаза твои, мой друг», —
Наивно молвил ей кузнечик,
Но не разжала жаба рук,
Она была бесчеловечна.

Разинув жадно жабью пасть,
Кузнечика живьём сглотнула,
Его непонятая страсть
В утробе жабьей потонула.

(Михаил Лермонтов)

В траве высокой и густой,
Жестокою судьбой гонимый,
Кузнечик с доброю душой
Жил, вечной скукою томимый.

Он зелен был не от природы,
А от трагической тоски.
Он все измученные годы
Не ведал дружеской руки.

И вот пришла, как озаренье,
Вмиг жабий хвостик ум пленил,
И душу в радостном смятеньи
Он ей, единственной, открыл.

Та ж в упоении жестоком
Презрела первенство своё.
И вот, как прежде, одинок он
Теперь в желудке у неё.

(Игорь Северянин)

Это было у леса, где трава молодая,
Где встречается редко стадо старых коров.
Жил кузнечик зелёный, только травкой питаясь,
И поэтому, верно, был он юн и здоров.

Было всё очень просто, было всё очень мило:
Он не трогал козявок, с ними в мире он жил,
Симпатичные мухи с кузнецом тем дружили,
Он любовной надеждой не одну окрылил.

И, наверное, долго было б всё так же мило,
Но однажды лягушка изумрудной спиной
Кузнеца покорила, кузнеца истомила,
Кузнеца поманила в плен болот за собой.

Ну, а там поедала, поедала грозово,
Отбрыкнув щепетильность, и без ласковых слов.
Это было у леса, где трава бирюзова,
Где встречается редко стадо старых коров.

(Владимир Маяковский)

Подобных примеров
не знала история,
И не было
стойче бойца.
Отечество славлю своё,
но тем более —
отдавшего жизнь кузнеца.
Пу́сть был он зелен,
но блеском металла
его отливала грудь!
Его революция
воспитала,
не гувернантка какая-нибудь.
Не ел он всякой там
мерзкой дряни:
козявок и прочих жуков;
Он сквозь
величье минутных деяний
смотрел вглубь грядущих веков.
И чужд был он
барской презренной лени;
в труде и быту — был боец.
Он строил для будущих поколений,
не для себя —
вот кузнец!
Он всякому был
и слуга, и товарищ,
И с мухами —
соратницами по борьбе —
В домашнем кругу
иль средь грозных пожарищ
он был на равной ноге.
Вдруг молния
чистое небо раздвинула,
Внезапно,
как в море пожар!
То — мразь-лягушка
бездумно разинула
свой мерзкий беззубый шар.

И вот уж
перехватило дыхание
у мужественного кузнеца,
Но он
потомкам своим в назидание
Хрипел:
«Стройте все, до конца!»
.....
И проклят потомками
индифферентный
жестокий лесной анархизм.
Погиб кузнец!
Но ему
монументом
Стал
выстроенный
социализм!

(Сергей Есенин)

Где прозрачные синие росы,
А над ними простор голубой,
Там под сенью подружки-берёзы
Жил беспечно кузнец удалой.

Пил не водку он утром, а росы,
Не селедку, а травушку ел;
Заплетал мухам ласково косы,
А потом под жужжанье их млел.

Не был он никогда шарлатаном,
Редко был неуживчив и зол,
Но однажды в похмелии рьяном
До берёзы родной не дошёл.

Лёг у встречной холодной осины
И решил протрезветь до конца.
Жаба с мордой нахальной скотины
Сожрала, не икнув, кузнеца.

И её с возмущеньем оквакали
Все лягушки до самой зари.
Над судьбой кузнецовой проплакали,
Вторя им, до утра глухари.

(Анна Ахматова)

С вами наигорчайшей драмой,
Ставшей самой глубокой раной,
Поделиться сегодня хочу.
Он не муж, не родной человечек,
Он никто мне, он — просто кузнечик,
Пусть я плачу, но не молчу.

Утро каждое он, просыпаясь,
Улыбался, с лучом поднимаясь,
И не ведал милый юнец,
Что в лесных лабиринтах невинных,
Среди мушек и куч муравьиных
Ждёт его жестокий конец.

А судьба шла за ним пухлой жабой,
И не жалко, если хотя бы
Был он мелочен и подловат.
Но он был пусть никчемный повеса,
Но душа и любимица леса,
Всяк ему был отец и брат.

Но об этом не знала лягушка,
Ей бы лишь натолкать свое брюшко
Кузнецом ли, слоном — все равно.
Вот и нет на земле изумруда,
И печально зверьё отовсюду
Шлёт почтенье скорбно своё.

ЮРКОВЕЦКИЙ МИХАИЛ

(Беэр-Шева, Израиль)

Психолог, социальный работник, член Союза русскоязычных писателей Израиля. Родился в Одессе, учился в Одесском национальном университете, был репортёром в областной газете. В Израиле с 1990 года. Участник литобъединения «Поэтический театр Кирьят-Гата», литературной студии «Среда Обетованная», был ответственным редактором еженедельника «Новости», издававшегося на юге, и серии альманахов: «Роза ветров» и «Хронометр». Печатался в альманахах: «На ладонях пустыни», «Перебирая дни». «TALITHAKUMI», «Юг», «Среда», «Виноградная долина», «Свиток 34» и других. В 2015 вышел диск шансона на его стихи с одноименным названием «Я разложу на ноты тишину», участник телемостов «Поэзия без границ» Всеизраильского поэтического клуба «ПоВтор».

К Февральской революции

Солнышко монетой медной
за кормою корабля
в город скатится намедни
на задворки февраля.
Кучер пьяный в дым и слякоть
вожжи крутит на кулак —
мужичина: серость, лапоть —
за пятак везёт в кабак.
Вольный стиль по рифмам пряным!
«Эй, монахи, в блуд и «тяж»...
Я с ресниц дрожащих пьяный
и на веки вечны — ваш!»
Юнкерам — по карте парной,
кутежи недолгих лет...
Меркнет блеск звезды Полярной.
Заряжают пистолет,
точат сабли, пьют в притонах,
промотавшись до рубля,
лихо ухают колонны
прямо к дому Николя,
дабы рвать на части СЛОВО
и устои, и любовь!
Много лет оно не ново:
зуб за зуб, да кровь за кровь.
Лучше рифмою за рифму!
Нотой, краской — чем черкнём?!
Скрипнул я пером в постскриптум
позабытым февралём.

Из цикла «Одесское ретро»

Грише Ботвиннику

Не придумывай тихие заводи:
Краны высятся, порта возня —
Город с бочки срывается в плаванье,
В Александровский проходняк…
Осень кутает скверы и садики,
Что подковой лежат половинчатой…
Босякуют одесские цадики:
Бабель, Ильф и Остап Ибрагимович.
Привозна́я и шумные дворики,
Голубей несмолкающий трёп…
Нас трамвайчик подбросит на́ море,
На залив, где желтеет песок!
В Палестине у берега плоского
Тель-Авив — фонари, фонари…
Безнадёжно безбрежными плёсами
Там и здесь я не сплю до зари…
Никогда не скажу «никогда»,
Потому что когда-то, в потёмках
Поднимусь я в Одессу Потёмкинской,
К Дюку — там, где дрожат провода.

На пятом Международном поэтическом телемосту между Израилем (Тель-Авив), Россией (Москва), Грецией (Александруполис)

Из цикла «Альбом»

1. МАЦУО БАСЁ

...на белой стене
чёрной точкой замер жук, —
я пишу стихи.

Говорят, что в чужом далеке
Поклонялся Басё — саке.
Ни денег в стихах, ни проку,
Сочиняя трехстишья — хокку...
Ты Миры описал, как мог,
Мой всесильный и пьяный Бог.

Мы с тобою в одном грехе.
Ты сильнее, чем я в стихе...
Без стихов жизнь ни то ни сё, —
Заблудился чудак — Басё...
Знаю, ты сочинил стихи:
Вся Вселенная — три строки.

2. МАРК ШАГАЛ

Я был на выставке Шагала
Так мало...

М. Ю.

Как много всё же там труда!
Горбатится его работа:
Грачи, плетёные ворота,
Бабуля собралась Туда...
Одесских улиц горб истыкан
Фундаментальными домами...
Я поражён его холстами.
Еврейской скорбью я исхныкан
На улице с двумя столбами
В преддверьи вечного финала...

Кассирша двери открывала,
Билет на выставку Шагала
За «рупь» с полтиной продавала.
Брожу один по гулким комнатам,
Слоняюсь сам по прежним улицам,
Смотрю, как улицы сутулятся,
В окошках тлеют керосинки,
Справляют праздники, поминки...
Я был на выставке Шагала
Так мало...

Ульчина Римма

(Ашдод, Израиль)

Член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), член Международной гильдии писателей (МГП), кандидат в члены Интернационального союза писателей (ИСП), лауреат конкурса «Человек года – 2011» в Ашдоде, удостоена специального приза «Золотое перо» за серию статей «Визави» с известными людьми и общественными деятелями. Автор саги «Мистический роман, или Заложница кармы», эзотерического романа «Береника, или Прыжок во времени», фантастического романа «Послание небес, или Нереальный детектив», вошедших в авторскую серию книг «Мистические Миры» Риммы Ульчиной, множества современных повестей, рассказов, эссе.

ЦЕНОЮ СОБСТВЕННЫХ ЖИЗНЕЙ

Отрывок из одноименой повести

Товарный состав, похожий на длинную, извивающуюся на крутых поворотах змею, полз по стальной колее, перекрывая огромные расстояния с запада на восток, – из города Каунаса в Нижний Тагил, а дальше по этапу…

Зима. В товарном вагоне, до войны перевозившем скот, везли арестанток: уголовниц, убийц, воровок, проституток и среди них женщину, которая проходила по статье «политические». Несмотря на промозглый холод

и сквозняки, в набитом арестантками вагоне нечем было дышать. Женщины страдали от холода, голода и тошнотворно-приторного запаха давно немытых тел. Из-за любого неосторожно сказанного слова возникали потасовки, слышались злобные выкрики и проклятия. Угроза, исходящая от отпетых уголовниц, каждая из которых имела свой основательный «послужной» список тех, кому они «помогли отойти в мир иной», усиливалась с каждой секундой. Реальная угроза стала «хозяйкой» их судеб, притаившейся на заточенных до блеска лезвиях перочинных ножичков, которые уголовницы умудрялись припрятать во время постоянных обысков. Со всех сторон слышались «перлы» такого отборного мата, от которого забившейся в самый дальний угол молодой женщине хотелось рыдать…

Наконец, все улеглись: те, что посильнее и понахальнее, на липких свалявшихся подстилках, а остальные, свернувшись калачиком, прямо на грязном промёрзшем полу. Уставшие арестантки забылись чутко тревожным сном, так как давно научились спать вполуха, чтобы не прозевать и успеть увернуться от увесистых кулаков надзирательниц или разъярённых товарок. Только она одна не спала и сидела в углу, обхватив руками поджатые к животу колени.

Раздался надсадный гудок паровоза, напоминающий вой смертельно раненого животного, молящего о помощи. Состав несколько раз дёрнулся, скрипнул тормозами и покатил дальше, громыхая колесами, увозя сидящую в углу политическую заключенную, которую звали Ханой, в страшное и беспросветное будущее — сроком на восемь лет. Поезд катил вперёд, а её мысли возвращались назад, в то счастливое время, когда ещё не было войны, концлагерей и того страшного «гетто», в котором она, вместе со всей своей семьёй: родителями, мужем и трёхлетней дочкой, находилась целых три года. Три года страданий, побоев, голода, непосильной работы, унижений, страха, смрада и, заедающих их, вшей. Люди жили, «обручённые» со смертью, которая по приказу немецких властей, круглые сутки, с маниакальной пунктуальностью, без угрызений совести отправляла на тот свет сотни тысяч еврейских жизней. Машина смерти стремительно набирала обороты. Вместо бензина её заправляли еврейской кровью, которая лилась рекой.

Хана чувствовала, что смерть ходит за ней по пятам, подбираясь всё ближе и ближе, дыша ей прямо в затылок. Любая секунда могла стать для неё последней, как это уже случилось с её родителями, соседями и вообще со всеми евреями, загнанными в это проклятое гетто…

Вагоны раскачивались из стороны в сторону. Колёса выбивали монотонный «степ», стараясь отвлечь и дать ей возможность уснуть. А она

сидела с открытыми глазами, придавленная грузом свалившихся на неё бед, главной из которых стала разлука с её маленькой доченькой… Наконец-то память всё же «решила подарить» ей короткую передышку, чтобы женщина не сошла с ума. И она уснула. Её сон балансировал на грани между тем, что было до войны, и тем, что произошло во время немецкой оккупации… И вдруг она увидела свой дом в Каунасе. В доме царили покой и уют. Город жил размеренной с устоявшимися традициями жизнью. Хана, или как её звали дома Ханочка, собирается в консерваторию. Её муж, знаменитый почитаемый литовцами музыкант и режиссёр, должен получить орден «Почётного гражданина страны» за изданный им сборник старинных литовских песен, которые он собирал, систематизировал в течение многих лет, делал музыкальную обработку, сохранив их народный и национальный колорит… Стоя перед старинным трюмо, она любуется своим отражением: лицом, стройной фигурой и длинными ногами, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Уложив свои роскошные золотисто-русого цвета волосы в искусную причёску, молоденькая женщина украшает её старинной с зелёными вкраплениями заколкой. Заколка ещё больше подчеркивает цвет её больших серо-зелёных глаз, опушенных длинными ресницами. У неё прямой нос, приподнятые скулы и чётко очерченные губы. Она неотразима и знает, что её называют самой красивой женщиной Каунаса. «Такая красавица, а вышла замуж за мужчину небольшого роста, с заурядной внешностью, на десять лет старше её», — сплетничали завистницы. Но Хана о своём замужестве ни разу не пожалела, так как её муж обладал особым природным обаянием и чувством юмора, который сводил всех женщин с ума. А когда маэстро, стоя на сцене, с изящной виртуозностью проводил смычком по струнам своей скрипки, люди замирали от восторга: меломаны, прикрыв глаза, погружались в прекрасный мир звуков и собственных ассоциаций, навеянных классической музыкой, почитательницы — в мир душевной гармонии и возвышенной любви.

Кто-то громко вскрикнул во сне… Хана вздрогнула и открыла глаза. Видение исчезло, а её мысли вернулись в этот вагон и в его, страшную своей правдой, действительность. Как она ни старалась хотя бы на несколько минут вырваться из сетей существующей реальности, память больше не хотела впускать её в то счастливое прошлое, а, наоборот, перенесла в «Ковенское гетто»…

Оглавление

Почему «Свиток» и почему 34? (от составителей и редакторов) 5

ВОЗРАЩЕНИЕ МАГОВ

БОЛОТИН Владимир (1949—2013) 8
ВЛОДОВ Юрий (1932—2009) 13
ПРА́СОЛОВ Алексей (1930—1972) 18
ПРИМЕРОВ Борис (1938—1995) 22

ПОЭЗИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

АЙЗЕНШТАТ Роман (Ришон-ле-Цион, Израиль) 28
АЛЬТМАРК Лев (Беэр-Шева, Израиль) 31
АНТОНОВ Зиновий (Москва, Россия) 35
АРКАДИН (Онгейберг) Дмитрий (Ришон-ле-Цион, Израиль) 38
АРЦИС Алла (Москва, Россия) 41
АСМАНОВ Александр (Москва, Россия) 45
БЕНДЕРСКАЯ Валентина (Тель-Авив, Израиль) 52
БЕРЕЗОВСКАЯ Дина (Беэр-Шева, Израиль) 58
БОСИНА Евгения (Нагария, Израиль) 63
ЖУРАВЛИ Евгений (Калининград, Россия) 67
КАНЕЕВА Елена (Калининград, Россия) 70
КАРАТОВ Сергей (Москва, Россия) 73
КАСЬЯНОВ Сергей (Москва, Россия) 77
КОЛГАНОВ Леонид (Тель-Авив, Израиль) 84
КОРЖ Олена (Житомир, Украина) 90
КОТЛЯРСКИЙ Марк (Тель-Авив, Израиль) 95
КОФМАН Алёна (Атланта, США) 100
МАРКОВА Екатерина-Августа (Москва, Россия) 103
МАРТЫНЕНКО Виктор (Бердичев, Украина) 106
НОВИКОВ Игорь (Житомир, Украина) 110
ПЕЛЕВИН Александр (Москва, Россия) 116
САПИР Ирина (Холон, Израиль) 119
САРИДУ Нани (Александруполис, Греция) 123
СКЛЯДНЕВ Леонид (Беэр-Шева, Израиль) 128
СПАРБЕР Александр (Москва, Россия) 133
ХАНИНА Елена (Беэр-Шева, Израиль) 138
ЧАЙКОВСКАЯ Валентина (Ришон-ле-Цион, Израиль) 140
ШИШКАРЁВА Наталия (Москва, Россия) 145
ЮРКОВЕЦКИЙ Михаил (Беэр-Шева, Израиль) 150

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

УЛЬЧИНА Римма (Ашдод, Израиль) 153

КНИГИ МОЖНО КУПИТЬ И ЗАКАЗАТЬ

- **Ukraine / Zhytomyrska / Zhytomyr / Житомир/ Большая Бердичевская ул., 20, «Гнатюк Арт Бутик».** Литературный агент Оксана Шимановская. Тел. +38 (067) 802-08-09.
- **Ukraine / Zhytomyrska / Zhytomyr / Житомир / Киевская ул., 17/1.** Книжный магазин «Мир книг — Знание». Тел. +380 (412) 47-47-68 Тел. +380 (96) 376-99-29.
- **Ukraine / Zhytomyrska / Berdychiv / Бердичев / Европейская ул., 8.** Магазин «Транзит-С».
- У Координатора Международных поэтических телемостов Полины Майской. **https://www.facebook.com/polinadashayan**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

СВИТОК 34

По материалам международных
поэтических телемостов

Выпуск 2 • 2019

Германия: STELLA — 2019
Перепечатка любой части книги
только с письменного согласия авторов
© Все права защищены

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 978-3-95772-191-4

9 783957 721914